

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И РАСКОЛЫ ДОМИНАНТНЫХ ПАРТИЙ*

О.Дж. Рейтер, Дж.Ганди

В последние годы специалисты в области сравнительной политологии уделяют повышенное внимание изучению разнообразия авторитарных режимов¹. Одним из важнейших типов авторитарного режима является режим с доминантной партией. Режимы с доминантной партией – это такие режимы, в которых диктаторы правят при поддержке доминантной партии, при этом сохраняется проведение многопартийных выборов. К характерным примерам режимов с доминантной партией можно отнести Зимбабве в период правления Зимбабвийского африканского национального союза – Патриотического фронта, Мексику в период правления Институционально-революционной партии, Тайвань в период правления «Гоминьдана», Сенегал в период правления Социалистической партии и Парагвай в период правления партии «Колорадо».

¹ Bratton M., Van de Walle N. Neopatrimonial Regimes and Political Transitions in Africa // *World Politics*. – Washington, D.C., 1995. – Vol. 46, No. 4. – pp. 453–489; Geddes B. [Geddes, 1999a] *Authoritarian Breakdown: Empirical Test of a Game Theoretic Argument* (prepared for presentation at the annual meeting of the American Political Science Association, Atlanta, 1999). – 62 p. – Mode of access: http://eppam.weebly.com/uploads/5/5/6/2/5562069/authoritarianbreakdown_geddes.pdf (date of access: 05.04.2014); Gandhi J., Przeworski A. Cooperation, Cooptation, and Rebellion under Dictatorships // *Economics & Politics*. – Oxford, 2006. – Vol. 18, No. 1. – pp. 1–26; Magaloni B. Credible Power-Sharing and the Longevity of Authoritarian Rule // *Comparative Political Studies*. – Beverly Hills, CA, 2008. – Vol. 41, N 4-5. – pp. 715–741; Wright J. Do Authoritarian Institutions Constrain? How Legislatures Affect Economic Growth and Investment // *American Journal of Political Science*. – Hoboken, NJ, 2008. – Vol. 52, No. 2. – pp. 322–343.

* Reuter O.J., Gandhi J. Economic Performance and Elite Defection from Hegemonic Parties. – *British Journal of Political Science*. – London, 2011. – Vol. 41, - No. 1. – P. 83–110.

Описываемые институты режима с доминантной партией (выборы и однопартийное доминирование) обеспечивают режиму возможности для распределения патронажа, получения информации, кооптации элит и консолидацию сторонников режима². Последняя функция этих институтов навела ряд учёных на мысль, что партийные режимы и в особенности устойчивые формы авторитарных режимов способны сохранять монолитность в условиях неблагоприятных ситуаций, таких как, экономические кризисы³. Но те же институты, обеспечивающие преимущества для режима, могут также иметь непредвиденные и нежелательные последствия для авто-

² Huntington S.P. *Social and Institutional Dynamics of One-Party Systems* // *Authoritarian Politics in Modern Society: The Dynamics of Established One-party Systems* / Huntington S.P., Moore C.H. (eds.). – New York: Basic Books, 1970. – pp. 3–47; Magaloni B. *Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and its Demise in Mexico*. – New York: Cambridge University Press, 2006. – 296 p; Brownlee J. *Authoritarianism in the Age of Democratization*. – New York: Cambridge University Press, 2007. – 264 p

³ Geddes B. [Geddes, 1999a] *Authoritarian Breakdown: Empirical Test of a Game Theoretic Argument* (prepared for presentation at the annual meeting of the American Political Science Association, Atlanta, 1999). – 62 p. – Mode of access: http://eppam.weebly.com/uploads/5/5/6/2/5562069/authoritarianbreakdown_geddes.pdf (date of access: 05.04.2014); Slater D. *Iron Cage in an Iron Fist: Authoritarian Institutions and the Personalization of Power in Malaysia* // *Comparative Politics*. – Chicago, IL, 2003. – Vol. 36, No. 1. – pp. 81–101; Smith B. *Life of the Party: The Origins of Regime Breakdown and Persistence under Single-Party Rule* // *World Politics*. – Washington, D.C., 2005. – Vol. 57, No. 3. – pp. 421–451; Brownlee J. *Authoritarianism in the Age of Democratization*. – New York: Cambridge University Press, 2007. – 264 p.

ритарных правителей. Эти режимы рушатся и часто они рушатся во время выборов, когда ключевые акторы перестают быть молчаливыми попутчиками режима. Одним из достаточно простых и очевидных вариантов, который может подорвать устойчивость режима через выборы, является уход ключевых членов доминантной партии с партийных должностей и переход на сторону конкурентов режима на выборах. Даже когда такие перебежчики не побеждают инкумбента и непосредственно не инициируют смену режима, их переход на сторону оппозиции может выступать определяющим событием в жизни партий, вынуждающих инкумбентов изменить их стратегию правления.

Мы полагаем, что экономическое развитие может стимулировать принятие потенциальными перебежчиками решений том, следует ли покинуть режимную партию. Неудовлетворённые члены партии уходят в период экономического кризиса с намерением получить выгоду из общественного и элитного недовольства режимом, надеясь преуспеть в борьбе с инкумбентом на выборах. Наша основная гипотеза состоит в том, что слабое экономическое развитие должно подталкивать элиты к уходу из доминантных партий и борьбе против режима на выборах. Мы проверяем нашу гипотезу, используя оригинальную базу данных, включающую 227 релевантных выборов во всех режимах с доминантной партией с 1946 по 2004 год. Зависимая переменная – отражает измерение раскола. Наши результаты согласуются с нашими гипотезами, даже в части важных контрольных переменных. Для подтверждения наших предположений мы анализируем два случая однопартийного доминирования в Турции в Зимбабве, в которых раскол элит произошёл в ходе авторитарных выборов. Данные о механизмах, лежащих в основе связи между состоянием экономики и расколом элит, могут предоставить как исторические, так и современные случаи.

В этой статье мы вносим вклад в существующую литературу по нескольким направлениям. Во-первых, мы вносим вклад в литературу по авторитарным режимам, как целостность доминантных партий уязвима перед экзогенными шоками. В этих режимах

коалиции элит являются не только результатом выраженной непобедимости партии или институциональных норм, ограничивающих и канализирующих внутриэлитные конфликты, но и результатом экономического развития. Во-вторых, это исследование вносит вклад в литературу по демократизации. В этой статье мы *не* анализируем взаимосвязь между экономическим кризисом и демократическим транзитом, но мы *делаем* первое эмпирическое рассмотрение одного из возможных причинных механизмов, обуславливающих устойчивую корреляцию между экономическим ростом и транзитами⁴. В этой связи мы выходим за пределы существующей литературы по транзитам, которая делает акцент на сплоченности элиты как необходимом условии для обеспечения выживаемости авторитарного режима через установление экзогенных факторов, которые обуславливают эту сплоченность в первом приближении⁵.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОМИНАНТНЫХ ПАРТИЙ И РАСКОЛОВ ЭЛИТ В ЛИТЕРАТУРЕ

Правящие партии и институты служат для ограничения конфликта элит через кооптацию больших групп в рамках общества. Как следствие партийные режимы являются более долговечными по сравнению с другими типами авторитарных режимов⁶. При этом

⁴ Gasiorowski M. Economic Crisis and Political Regime Change: An Event History Analysis // American Political Science Review. – Washington, D.C., 1995. – Vol. 89, No. 4. – pp. 882–897; Geddes B. [Geddes, 1999a] Authoritarian Breakdown: Empirical Test of a Game Theoretic Argument (prepared for presentation at the annual meeting of the American Political Science Association, Atlanta, 1999). – 62 p. – Mode of access: http://eppam.weebly.com/uploads/5/5/6/2/5562069/authoritarianbreakdown_geddes.pdf (date of access: 05.04.2014).

⁵ O'Donnell G., Schmitter P.C. Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies. – Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1986. – 96 p.; Przeworski A. Democracy and the Market: Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America. – New York: Cambridge University Press, 1991. – 210 p.; Haggard S., Kaufman R.R. The Political Economy of Democratic Transitions. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1995. – 391 p.

⁶ Geddes B. [Geddes, 1999a] Authoritarian Breakdown: Empirical Test of a Game Theoretic Argument (prepared for presentation at the annual meeting of the American

партийные режимы имеют ярко выраженные различия по степени выживаемости: эмпирические модели объясняют это через поведение как оппозиционных партий, ведущих борьбу против доминантных партий на выборах в условиях функционирования авторитарного режима⁷, так и членов доминантной партии, роль которых является центральной для деятельности правящих партий⁸. Партийные режимы чаще всего оказываются под угрозой, когда их члены получают стимулы к уходу из правящей партии. Расколы напрямую ведут к прекращению существования партии в прежнем виде или дают сигнал другим ключевым акторам (например, оппозиции или военным) о том, что режим является слабым или даже может вызвать нелиберальные изменения в стратегии режима.

Что мы знаем о расколах? Какие условия делают более вероятным уход из режимной партии? Многие предположения на этот счет были сформированы в рамках литературы по демократизации. Сплоченность элит используется как объясняющий фактор в исследованиях демократического транзита⁹. В конце 1990-х годов литература по транзитам критиковалась за излишнее доверие к конструкту сплоченности элит, который был непостоянным при изменении

контекста¹⁰. Внимание было направлено на определение второстепенных факторов, которые способствуют усилению сплоченности элит. Трещины в элите в большинстве случаев возникают под влиянием материальных условий: экономический кризис или разрушительные конфликты делают уход из режимной партии более привлекательным¹¹.

Позднее в работах по правящим партиям в авторитарных государствах также началось изучение важности раскола элит. Единство элит в партийных режимах поддерживается через прочность партийных институциональных связей или через другие механизмы такие, как кажущаяся непобедимость партий на выборах, ее способность распределять патронаж и ее способность использовать принуждение для предупреждения ухода членов партии¹².

Для эмпирического изучения этих предположений ученые применяют две стратегии. Первый подход состоит в исследовании механизмов – условий, при которых происходит раскол и их влияния на стабильность режима – через подробное изучение отдельных случаев. Рассмотрим хорошо известный пример К.Карденаса в Мексике. После пятилетия экономической стагнации и перестройки в начале и середине 1980-х годов крыло институциональной революционной партии стало выступать за сворачивание программ жесткой экономии, наложенных Международным валютным фондом (МВФ), и возврат к государственным и популистским ис-

Political Science Association, Atlanta, 1999). – 62 p. – Mode of access: http://eppam.weebly.com/uploads/5/5/6/2/5562069/authoritarianbreakdown_geddes.pdf date of access: 05.04.2014); Smith B. Life of the Party: The Origins of Regime Breakdown and Persistence under Single-Party Rule // *World Politics*. – Washington, D.C., 2005. – Vol. 57, No. 3. – pp. 421–451.

⁷ Eisenstadt T.A. *Courting Democracy in Mexico: Party Strategies and Electoral Institutions*. – New York: Cambridge University Press, 2004. – 376 p.; Greene K.F. *Why Dominant Parties Lose?: Mexico's Democratization in Comparative Perspective*. – New York: Cambridge University Press, 2007. – 350 p.

⁸ Magaloni B. *Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and its Demise in Mexico*. – New York: Cambridge University Press, 2006. – 296 p.; Magaloni B. *Credible Power-Sharing and the Longevity of Authoritarian Rule // Comparative Political Studies*. – Beverly Hills, CA, 2008. – Vol. 41, No. 4-5. – pp. 715–741.

⁹ O'Donnell G., Schmitter P.C. *Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions about Uncertain Democracies*. – Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1986. – 96 p.; Przeworski A. *Democracy and the Market: Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America*. – New York: Cambridge University Press, 1991. – 210 p.

¹⁰ Bratton M., Van de Walle N. *Democratic Experiments in Africa: Regime Transitions in Comparative Perspective*. – New York: Cambridge University Press, 1997. – 307 p.; Bunce V. *Rethinking Recent Democratization: Lessons from the Post-Communist Experience // World Politics*. – Washington, D.C., 2003. – Vol. 55, No. 2. – P. 167–192.

¹¹ Haggard S., Kaufman R.R. *The Political Economy of Democratic Transitions*. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1995. – 391 p.; Wood E.J. *Forging Democracy from Below: Insurgent Transitions in South Africa and El Salvador*. – New York: Cambridge University Press, 2000. – 247 p.

¹² Magaloni B. *Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and its Demise in Mexico*. – New York: Cambridge University Press, 2006. – 296 p.; Brownlee J. *Authoritarianism in the Age of Democratization*. – New York: Cambridge University Press, 2007. – 264 p.; Magaloni B. *Credible Power-Sharing and the Longevity of Authoritarian Rule // Comparative Political Studies*. – Beverly Hills, CA, 2008. – Vol. 41, No. 4-5. – pp. 715–741.

токал Институционально-революционной партии¹³. Эта фракция Институционально-революционной партии, названная демократическим движением, объединилась вокруг фигуры К.Карденаса, сына одного из наиболее популярных президентов Мексики Л. Карденаса, который был одним из отцов-основателей Институционально-революционной партии. С приближением президентских выборов 1988 года демократическое движение и К.Карденас осознали возможность бросить вызов режиму в условиях экономического кризиса. Как свидетельствует Дж.Лангстон, «демократическое движение быстро убедилось в том, что может получить поддержку, как со стороны режима, так и со стороны общества в силу семи лет кризиса и его негативного влияния на граждан страны»¹⁴. Таким образом, в начале 1988 года ключевые члены демократического движения вышли из Институционально-революционной партии и вступили в коалицию партий Национальный Демократический Фронт, которая вскоре после этого выдвинула К. Карденаса кандидатом на президентских выборах 1988 года. Магалони отмечает, что раскол Институционально-революционной партии в 1988 году, произошедший впервые с 1952 года, стал результатом того, что потенциальные перебежчики ожидали лучшие электоральные перспективы вне рамок правящей партии¹⁵. Как показала история, они были правы в этой оценке. К.Карденас получил 31% голосов на выборах – больше, чем любой другой оппозиционный кандидат в истории Мексики, хотя большинство исследователей согласно с тем, что Институционально-революционная партия прибегала к использованию массовых фальсификаций для того, чтобы обеспечить себе победу на выборах. Хотя Институционально-революционная партия сохраняла президентский пост вплоть до 2000 года, раскол партии, связанный с К. Кар-

денасом, послужил поворотным моментом в истории Институционально-революционной партии, что продемонстрировало уязвимость режима, придало смелости оппонентам и сократило базу поддержки Институционально-революционной партии. Очевидно, расчет К. Карденаса, что он может достичь большего, уйдя из правящей партии и конкурируя с режимом, был в значительной степени предопределен экономическим кризисом, сотрясавшим страну в это время¹⁶.

Второй подход направлен на проверку значимости этих предположений через использование кросс-национальных данных для обеспечения подробных доказательств влияния механизма. Таким образом, предположение о том, что слабое экономическое развитие вызывает раскол в правящей элите, которые неизбежно ведут к разрушению режима, подтверждается надежными количественными доказательствами, взаимосвязи между экономическим кризисом и демократическим транзитом¹⁷.

В этой статье мы используем другой эмпирический подход, который заключается в изучении кросс-национальных данных, показывающих, как экономический кризис влияет на единство коалиции элит в одном из важнейших типов авторитарных режимов – режимов с доминантной партией¹⁸. Мы

¹³ Teichman J.A. Policy Making in Mexico: From Boom to Crisis. – Boston, MA.: Allen and Unwin, 1988. – 178 p.

¹⁴ Langston J. Breaking Out is Hard to Do: Exit, Voice, and Loyalty in Mexico's One-Party Hegemonic Regime // *Latin American Politics and Society*. – Coral Gables, FL, 2002. – Vol. 44, No. 3. – pp. 61–81.

¹⁵ Magaloni B. Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and its Demise in Mexico. – New York: Cambridge University Press, 2006. – 296 p.

¹⁶ Дж.Лангстон объясняет расколы элит как в Институционально-революционной партии в Мексике, так и в партии «Гоминьдан» на Тайване через усиление конкуренции на выборах и последовавшие за этим кризисы (Langston J. Elite Ruptures: When Do Ruling Parties Split? // *Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition* / Schedler A. (ed.). – Boulder, CO: Lynne Rienner, 2006. – pp. 57–76). Анализируя тот же кейс, С.Хаггард и Р.Кауфман не выявили связи между кризисом и расколом элит в авторитарных режимах с доминантной партией, но при этом они содержательно и основываясь на анализе отдельных случаев, доказали наличие такой зависимости в военных режимах в Латинской Америке (Haggard S., Kaufman R.R. *The Political Economy of Democratic Transitions*. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1995. – 391 p.).

¹⁷ Gasiorowski M. Economic Crisis and Political Regime Change: An Event History Analysis // *American Political Science Review*. – Washington, D.C., 1995. – Vol. 89, No. 4. – pp. 882–897; Boix C., Stokes S.C. Endogenous Democratization // *World Politics*. – Washington, D.C., 2003. – Vol. 55, No. 4. – pp. 517–549.

¹⁸ Вместе с тем, мы провели отдельный анализ, который показал положительное влияние расколов на вероятность потери власти доминантной партией.

проверяем нашу гипотезу, используя оригинальный набор данных, который включает 227 выборов во всех режимах с доминантной партией в течение поствоенного периода. В использовании этого подхода мы предпринимаем попытку совместить достоинства механизмов непосредственного изучения, а также данные и инструменты анализа универсальности наших предположений. В рамках применения этого подхода мы предпринимаем попытку обнаружить систематическое подтверждение взаимосвязи между сплоченностью элиты, экономическим ростом и выживаемостью авторитарного режима. Наконец, установив, что слабое экономическое развитие связано с расколом правящей партии, мы выдвинем широкое теоретическое предположение: хотя доминантные партии представляют собой институты, которые удерживают конфликт элит для укрепления авторитарного правления, эффективность этих институтов в управлении элитами значительно различается, так как зависит от внешних обстоятельств.

Хотя расколы элит происходят не только в рамках режимов доминантной партии, мы концентрируемся на анализе этого типа режимов по двум причинам. Одна причина является операциональной, она состоит в том, что раскол правящей партии во время выборов позволяет сформировать четкое, измеряемое и систематическое кодирование зависимой переменной. Другая причина является в большей степени содержательной: динамика раскола режимов с доминантной партией может быть уникальной в том, что они выстраивают институты, в рамках которых элиты и массы могут формировать свои ожидания относительно стратегий и поведения. Специалисты по электоральному и соревновательному авторитаризму подчеркивают важность выборов для сохранения власти диктаторами¹⁹. Как отмечает Браунли, эмпирическое доказательство является неоднозначным: иногда выборы помогают укрепить авторитарное правление, при этом в других случаях способствуют разрушению

¹⁹ Levitsky S., Way L.A. The Rise of Competitive Authoritarianism // *Journal of Democracy*. – Baltimore, MD, 2002. – Vol. 13, No. 2. – pp. 51–65.; Electoral Authoritarianism: The Dynamics of Unfree Competition / Schedler A. (ed.). – Boulder, CO: Lynne Rienner, 2006. – 267 p.

режимов²⁰. Браунли утверждает, что в этой связи решающее значение имеет сильная правящая партия: выборы могут укрепить авторитарное правление при наличии доминантной партии и подорвать его в случае отсутствия такой партии. Рассматривая только партийные системы с доминантной партией, мы утверждаем, что способность выборов укрепить режим также зависит от удовлетворительного развития экономики.

РЕЖИМЫ С ДОМИНАНТНОЙ ПАРТИЕЙ: ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НА СТРАТЕГИИ ЭЛИТ

Режимы с доминантной партией – это такие авторитарные режимы, в которых одна партия занимает большинство важных политических должностей, осуществляет властные полномочия по определению политики в различных сферах и распределение патронажа, а также использует привилегированный доступ к государственным ресурсам или выходящие за рамки конституции возможности для доминирования в условиях проведения конкурентных выборов²¹. Это определение тесно согласуется с некоторыми другими определениями в литературе²². В операциональном отношении это означает, что доминантные партии существуют в условиях, когда режим является авторитарным, члены парламента выбираются на конкурентных выборах и правящая партия контролирует абсолютное большинство в единственной или основной палате парламента. Контроль большинства членов парламента проводит операциональ-

²⁰ Brownlee J. *Authoritarianism in the Age of Democratization*. – New York: Cambridge University Press, 2007. – 264 p.

²¹ Мы используем термины «господствующая партия» и «доминантная партия» как синонимы.

²² Sartori G. *Parties and Party Systems: A Framework for Analysis*. – New York: Cambridge University Press, 1976. – 383 p.; Magaloni B. *Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and its Demise in Mexico*. – New York: Cambridge University Press, 2006. – 296 p.; Greene K.F. *The Political Economy of Authoritarian Single-Party Dominance* // *Comparative Political Studies*. – Beverly Hills, CA, 2010. – Vol. 43, No. 7. – pp. 807–834.; Reuter O.J., Remington T.F. *Dominant Party Regimes and the Commitment Problem. The Case of United Russia* // *Comparative Political Studies*. – Beverly Hills, CA, 2009. – Vol. 42, No. 4. – pp. 501–526.

ное разделение между теми инкумбентами, кто вкладывается в организованные институты кооптации и мобилизации бюрократии и теми, кто стремится подкупить сторонников и/или конкурировать с оппонентами на основе *ad hoc*. Точка разделения 50% предполагает установление не только электорального доминирования партии, но и степени влияния партии. Значение ниже 50% является невозможным, так как это означало бы контроль менее половины мест в парламенте и сделало бы неосуществимым принятие собственных законодательных инициатив без привлечения поддержки других партий. Наоборот, уровень выше 50% является слишком ограничивающим, так как это уничтожило бы режим с доминантной партией как таковой, который функционирует в условиях наличия сильных, но разделенных, оппозиционных партий (таких, как Кенийский Африканский Национальный Союз в Кении после 1992 года)²³.

Некоторые определения доминантных партий включают критерий долговечности²⁴. Мы намеренно не используем число лет нахождения у власти правящих партий как часть нашего определения по ряду причин. Во-первых, долговечность и уровень структурирования политики доминантной партией – это два различных концепта, даже если срок правления часто выступает операциональным индикатором последнего. Во-вторых, даже если долговечность и институциональная сила партии тесно переплетены друг с другом, то вопрос выбора критерия долговечности становится вопросом выде-

ления переменной длительности (например, срок правления). Отнесение к доминантным партиям тех партий, которые остаются у власти без учета определенной временной границы только затуманивает переменную длительности правления. Наконец, в силу того, что нашей зависимой переменной является раскол элит, которая может быть концептуально связана с длительностью правления доминантной партии, она становится потенциально тавтологической для включения критерия долговечности в определение доминантных партий²⁵.

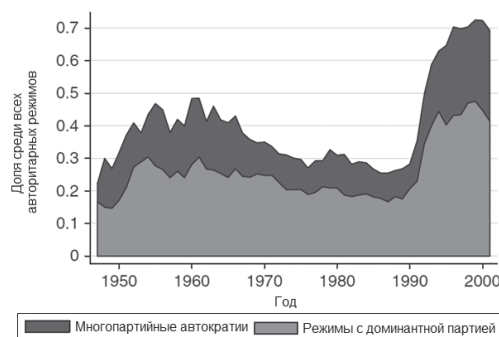

Рис. 1. Многопартийные автократии и режимы с доминантной партией в мире

Это распределение оставалось стабильным до 1990-х годов, когда доля режимов с доминантной партией в структуре авторитарных режимов взлетела до 35%. По состоянию на 2002 год режимами с доминантной партией являются около половины всех авторитарных режимов в мире. Режимы с доминантной партией в течение большинства лет составляли около 60% всех многопартийных автократий в мире.

Совокупность доминантных партий в мире сегодня включает большое число общепризнанных и хорошо изученных партий таких, как Национальная Демократическая Партия в Египте, Зимбабвийский Африкан-

²³ Несмотря на то, что мы имеем теоретические основания точки разделения 50%, мы также проверяем, влияет ли выбор точки разделения на наши результаты через включение в статистический анализ эффекта взаимодействия между экономическим ростом и долей мест в парламенте, контролируемых доминантной партией. В большей степени, чем это налагает критерий «Exante», мы предусматриваем возможность данным сообщить нам о том, влияет ли выбор точки разделения на результаты. Обсуждаемые результаты показывают, что численность парламентского большинства доминантной партии не обуславливает влияние роста на расколы.

²⁴ Magaloni B. Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and its Demise in Mexico. – New York: Cambridge University Press, 2006. – 296 p.; Greene K.F. The Political Economy of Authoritarian Single-Party Dominance // Comparative Political Studies. – Beverly Hills, CA, 2010. – Vol. 43, No. 7. – pp. 807–834.

²⁵ Вместе с выбором точки разделения в отношении доли мест в парламенте, контролируемой доминантной партией, мы проверяем, влияет ли на результаты долговечность, тем самым обосновывая её в качестве критерия через включение в статистический анализ эффекта взаимодействия между длительностью правления и ростом. Мы обнаруживаем, что продолжительность существования доминантной партии не оказывает значительного влияния на содержательные результаты.

ский Национальный Союз – Патриотический Фронт в Зимбабве и Партия Народного Действия в Сингапуре. Но она также включает большое число «новых» доминантных партий, таких, как «Нур Отан» в Казахстане и Камбоджийская Народная Партия в Камбодже. Кроме того, некоторые из наиболее известных недавно возникших авторитарных режимов используют доминантные партии как стратегии правления. В России режим В. Путина предпринял много усилий для укрепления прокремлевской политической партии «Единая Россия»²⁶. В 2007 году Народная Демократическая Партия Нигерии способствовала осуществлению передачи исполнительной власти от О.Обасанджо к У.Яр-Адуа. Режимы с доминантной партией становятся все более распространенными среди диктатур.

Доминантные партии предоставляют целый ряд преимуществ как их лидерам, так и другим элитам. Доминантная партия может выступать как: (1) инструмент кооптации латентных союзников и привязки существующих сторонников к режиму, (2) механизм создания потока патронажа и распределения политических должностей и превращение этих процессов в рутинное дело, (3) механизм обеспечения информации и/или аппарата для управления парламентом. Институциональные связи правящей партии способствуют расширению временных горизонтов элит, тем самым делая эти режимы единственно устойчивыми к расколам и увеличивая срок их существования. Также, как и партии выборы предоставляют большое число преимуществ для руководителей режима. Кроме обеспечения инструментов кооптации, выборы также предоставляют режиму возможности установить доминирование в публичном пространстве, тем самым предупреждая расколы элит и вызовы со стороны третьих партий.

Лояльность партии поддерживается не только факторами, являющимися внутренними по отношению к структуре институтов режима, но и внешними изменениями, которые влияют на соотношение издержек и

преимуществ элит, связанных с их пребыванием в партии, таких, как успешность развития экономики. Более того, выборы дают возможности, с помощью которых элиты, на основе их расчетов, решают оставаться вместе или уходить из режимной партии. Мы утверждаем, что такие режимы более уязвимы к расколам во время выборов, когда наблюдается негативное состояние экономики. Также выборы представляют членам партии наиболее реальную возможность для выражения своего несогласия с режимом.

Что побуждает часть членов партии принять решение о выходе из организации? Иными словами, какие преимущества принесет выход? Для тех, кто принципиально уходит в оппозицию против режима, выход из правящей коалиции для борьбы с режимом на выборах может представлять надежду на изменение режима. Это может произойти в случае, если потенциальные перебежчики ожидают, что инкумбенты настолько уязвимы, что они будут неспособны «украсть выборы». Кроме того, если потенциальный перебежчик уходит из правящей партии для того, чтобы стать авторитетным оппонентом режима, он имеет шанс получить политическую власть для самого себя. Перебежчик может победить в борьбе за политический пост на выборах или заключить сделку по разделению власти с более конкурентоспособными оппозиционными кандидатами, ищущими поддержки со стороны перебежчиков. В Кении, например, Р.Одинга вышел из правящей коалиции, чтобы поддержать оппозиционного кандидата М.Кибакви на выборах 2002 года. В свою очередь Р.Одинге был обещан пост премьер-министра в случае победы М.Кибакви на президентских выборах²⁷.

Даже если смена власти является отдаленной перспективой, перебежчики могут выйти из партии, если партия предпринимает действия в ответ на их поступки. В этом случае раскол может быть угрозой для достижения компромисса. В Малайзии, например, некоторые лидеры диссидентской фракции,

²⁶ Reuter O.J., Remington T.F. Dominant Party Regimes and the Commitment Problem. The Case of United Russia // Comparative Political Studies. – Beverly Hills, CA, 2009. – Vol. 42, No. 4. – pp. 501-526.

²⁷ Kasara K. A Prize Too Large to Share: Opposition Coalitions and the Kenyan Presidency, 1991–2002: Paper presented at the annual meeting of the Midwest Political Science Association, Chicago, IL, 2005.

которая впоследствии была названа «Семангат 46», были переименованы обратно в Объединенную Малайскую Национальную Организацию с предоставлением правительственных должностей и обещанием реформ²⁸.

Для увеличения преимущества потенциальным перебежчикам нужно успешно участвовать в выборах. Показателем того, что потенциальный перебежчик представляет угрозу режиму, является процент голосов, набранных им на выборах. Высокий процент голосов на выборах свидетельствует о значительной поддержке оппозиции, несмотря на попытки манипулирования результатами выборов со стороны режима. Но для того, чтобы добиться большего успеха на выборах, потенциальные кандидаты должны согласовывать свои программные позиции с избирателями. Они должны предвидеть, какие проблемы могут мобилизовать избирателей для выражения их недовольства политикой инкубентов и, в свою очередь, поддержки потенциальных перебежчиков. Иначе их участие в выборах скорее всего окажется неудачным в том, что они понесут издержки противостояния режиму, но при этом не получат почти никаких преимуществ.

Экономическое развитие является одним из вопросов, вокруг которого оппоненты режима могут мобилизовать поддержку на выборах. Одна причина, по которой развитие экономики имеет большое значение, заключается в том, что экономика определяет размер благ, которые могут быть распределены среди избирателей. Повышающийся рост совокупного дохода позволяет режиму направить больше ресурсов на покупку голосов. Кроме того, исследование политических бизнес-циклов в недемократических режимах показывает, что авторитарные инкубенты используют фискальные и монетарные инструменты для обеспечения победы на выборах. В Египте, например, кандидаты Национальной Демократической партии предлагали бедным городским жителям наличные деньги и другие преимущества, в то время как правительство предоставляло бонусы государственному сектору, повышало пенсии и

²⁸ Singh H. Political Change in Malaysia: The Role of Semangat 46 // *Asian Survey*. – Berkeley, CA, 1991. – Vol. 31, No. 8. – pp. 712–728.

проводило девальвацию валюты для увеличения ресурсов, направляемых на покупку голосов²⁹. В трудные времена, когда режим имеет относительно мало ресурсов в своем распоряжении, эти инструменты могут исчезать, создавая окно возможностей для потенциальных конкурентов режима на выборах.

Кроме того, потенциальные конкуренты режима могут использовать то обстоятельство, что экономическое развитие влияет на оценку компетентности режима избирателями³⁰. Действительно, способность режимных партий обеспечивать успешное экономическое развитие должна занимать значительное пространство в политических дискуссиях, поскольку задача модернизации (особенно ее экономической аспект) стала выступать основным оправданием их доминирования. Члены режимной партии предполагали «сыграть активную предпринимчивую роль в формировании новых идей, создании сетей коммуникаций для этих идей и в обеспечении связи между обществом и элитой в том, как власть создается, мобилизуется и осуществляется»³¹. Для того, чтобы выполнить эти функции, другим партиям необходимо было играть в основном вспомо-

²⁹ Blaydes L. Electoral Budget Cycles under Authoritarianism: Economic Opportunism in Mubarak's Egypt (prepared for the Annual Meeting of the Midwest Political Science Association, Chicago, IL, 2006). – 24 p. – Mode of access: http://www.nyu.edu/gsas/dept/politics/seminars/blaydes_f06.pdf (date of access: 05.04.2014).

³⁰ Несмотря на то, что в литературе по экономическому голосованию ведутся споры по этому вопросу, к настоящему времени всё же доказано, что избиратели оценивают инкубентов, основываясь на функционировании экономики. Lewis-Beck M.S. Economics and Elections: The Major Western Democracies. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 1988. – 183 p.; Remmer K. The Political Impact of Economic Crisis in Latin America in the 1980s. // *American Political Science Review*. – Washington, D.C., 1991. – Vol. 85, No. 3. – pp. 777–800.; Bingham Powell G., Jr., Whitten G. A Cross-National Analysis of Economic Voting: Taking Account of the Political Context // *American Journal of Political Science*. – Hoboken, NJ, 1993. – Vol. 37, No. 2, pp. 391–414.; Pacek A., Radcliff B. The Political Economy of Competitive Elections in the Developing World // *American Journal of Political Science*. – Hoboken, NJ, 1995. – Vol. 39, No. 3. – pp. 745–759.; Duch R.M., Stevenson R. Economic Vote: How Political and Economic Institutions Condition Election Results. – New York: Cambridge University Press, 2008. – 399 p.

³¹ Apter D.E. The Politics of Modernization. – Chicago: University of Chicago, 1965. – 481 p.

гательную роль для содействия собственной организации режима. Как самостоятельно поставленная цель, рост материального благосостояния граждан может рассматриваться в качестве критерия, по которому избиратели оценивают доминантные партии. Экономический спад может дать толчок элитам к выходу из режимной партии: слабое экономическое развитие ведет к потере патронажа и неожиданному появлению различий во взглядах на проведение политического курса. Но он также дает возможность членам элиты выйти из партии и при этом не уйти в небытие. Предвидя, что избиратели внимательно относятся к экономике и склонны голосовать против инкубентов, когда наблюдается негативная экономическая ситуация, члены партии, которые рассматривают возможность «дезертировать с корабля» будут в большей степени ориентированы на уход из партии в трудные времена. Таким образом, вследствие замедления роста доходов члены партии будут в большей степени склонны к уходу из партии и конкуренции с авторитарными инкубентами на выборах.

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ТЕОРИИ И ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫЕ МЕХАНИЗМЫ

Разнообразие альтернативных теорий ведет к разным предположениям о связи между экономическим развитием и расколами доминантной партии. Первое предположение заключается в том, что раскол должен иметь положительную корреляцию с экономическим ростом. Это может происходить в случае, если избиратели становятся богаче, то они отказываются от клиентелизма, что характеризует их отношения с доминантной партией и переход к тому, что Магалони называет «идеологическими инвестициями» в другие партии³². Члены партии, предвидящие такое поведение части избирателей, будут в большей степени склонны к уходу из режимной партии в период экономического процветания.

Второе предположение состоит в том, что расколы и экономическое развитие

³² Magaloni B. Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and its Demise in Mexico. – New York: Cambridge University Press, 2006. – 296 p.

должны отрицательно коррелировать друг с другом. Это может происходить по причине того, что партийные институты поддерживают лояльность элит даже в неблагоприятное время. К.Грин обнаружил, что экономический рост имеет непостоянное и слабое влияние на электоральную поддержку режимов с доминантной партией³³. Или, как полагает Магалони, казалось бы неприступные электоральные позиции партий должны позволять ей предупреждать расколы элиты даже во время кризиса, потому что перебежчики в любом случае будут иметь небольшие шансы на победу³⁴. Другая возможность заключается в том, что в диктатурах и режимах, в которых отсутствует сменяемость власти, ограничиваются информационные потоки, избиратели имеют мало информации о программах позиций партий. В результате единственным информационным сигналом, которым могут руководствоваться избиратели в этом контексте, является измерение «за режим – против режима». Каждый, кто слишком сильно идентифицируется с режимом, будет иметь трудности в привлечении поддержки. Предвидя это, потенциальные перебежчики будут давать себе отчет в том, что они будут иметь небольшие шансы на успех при выдвижении на выборах против режима во время негативной экономической ситуации. В этом случае вероятность раскола не будет значительно различаться во время благоприятной и неблагоприятной экономической ситуации.

Мы полагаем, что экономическое развитие влияет на принимаемые элитами решения об уходе из доминантной партии, обусловленные их ожиданиями того на сколько высокую поддержку они смогут получить со стороны граждан в случае конкуренции с инкубентами на выборах. В этой связи элиты принимают решения об уходе из доминантной партии с учётом прогнозирования поведения избирателей. Отрицательная корреляция между экономическим развити-

³³ Greene K.F. The Political Economy of Authoritarian Single-Party Dominance // Comparative Political Studies. – Beverly Hills, CA, 2010. – Vol. 43, No. 7. – pp. 807–834.

³⁴ Magaloni B. Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and its Demise in Mexico. – New York: Cambridge University Press, 2006. – 296 p.

ем и расколами будет подтверждать как это причинно-следственное предположение, так и три других предположения. Первое состоит в том, что экономический спад повлечет за собой сокращение ресурсов, распределяемых между элитами. Сокращение патронажа, обусловленное экономическим спадом, может склонить элиты к пересмотру решения о том, чтобы оставаться в доминантной партии. Мы полагаем, что этот механизм является неправдоподобным, потому что существует много эмпирических примеров, когда диктаторы продолжают осуществлять распределение ресурсов между элитами и военными даже во время крайней негативной ситуации для граждан. Действительно, научные работы по этой теме свидетельствуют об отрицательной корреляции между коррупцией и экономическим ростом³⁵, показывая, что даже во время негативной экономической ситуации политические и экономические элиты редко испытывают трудности.

Второе предположение состоит в том, что разногласия во взглядах на проведение политического курса и межличностные противоречия между высокопоставленными членами партии могут привести к расколу партии, возникновение которого более вероятно во время неблагоприятной экономической ситуации. Действительно, эти причины часто упоминаются в качестве непосредственных источников конфликтов в доминантных партиях. Противоречия по вопросам карьерного продвижения и назначений на должности могут возникать вне зависимости от состояния экономики. Разногласия во взглядах на проведение политического курса могут обостряться во время экономического кризиса, но они не увеличивают вероятность бегства из режимной партии, если, конечно, члены партии верят, что они смогут использовать их выход из партии для достижения изменений политического курса. Размер выигрыша потенциальных перебежчиков будет определяться тем, насколько высокую поддержку избирателей они смогут обеспе-

чить. Таким образом, экономические кризисы могут открывать для элит *возможность* для того, чтобы бросить вызов режиму в условиях усиления межличностных противоречий и разногласий во взглядах на проведение политического курса. Когда это происходит, логика нашей теории остается неизменной. Элиты будут рассчитывать на то, что они смогут извлечь выгоду из разочарования избирателей в режиме и с успехом бросят вызов режиму, когда наблюдается негативная экономическая ситуация.

Наконец, третьей возможностью является то, что корреляция между экономическим спадом и расколами может привести к обратной причинно-следственной связи: выход ключевых элит из правящей коалиции вызывает политическую нестабильность, которая, в свою очередь, отрицательно влияет на состояние экономики³⁶. Во многом это объясняется тем обстоятельством, что наше измерение экономического роста с запазданием реагирует на экономическое развитие до того, как произошел раскол. Но для того, чтобы в дальнейшем изучить эту возможность и рассмотреть микрооснования связи между экономическим развитием и расколами в целом, в последнем разделе мы обратимся к качественным случаям.

КРОСС-НАЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДАННЫЕ И МЕТОДЫ

Главный вызов для анализа связи между расколами элит и экономическим развитием состоит в проблеме систематического определения, что представляет собой раскол элит как таковой. Под расколом мы понимаем такую ситуацию, в которой член доминантной партии уходит из партии для того, чтобы выдвинуться в качестве независимого кандидата или кандидата от другой партии на выборах, в ходе которых определяется глава исполнительной власти. В этой связи предметом анализа выступают выборы в условиях диктатуры, в которых участвуют несколько кандидатов. При определении совокупности недемократических режимов мы основываемся на критериях

³⁵ Bardhan P. Corruption and Development: A Review of Issues // Journal of Economic Literature. – Nashville, TN, 1997. – Vol. 35, - No. 3. – pp. 1320–1346; Mauro P. Corruption and Growth // Quarterly Journal of Economics. – Cambridge, MA, 1995. – Vol. 110, - No. 3. – pp. 681–712.

³⁶ Alesina A., Özler S., Roubini N., Swagel P. Political Instability and Economic Growth // Journal of Economic Growth. – New York, 1996. – Vol. 1, No. 2. pp. 189–211.

А.Пшеворского и его коллег³⁷. Мы включаем все выборы с участием нескольких кандидатов или партий по странам и годам, в которых они были проведены: (1) в условиях диктатуры и (2) в условиях демократического транзита, когда выборы проводились в условиях уходящего авторитарного режима. В силу того, что для нас представляют интерес те перебежчики, которые участвуют в выборах главы исполнительной власти, выборы, включенные в анализ, могут быть как президентскими, так и парламентскими в зависимости от того, кто является главой правительства. Если действующим главой правительства является напрямую избираемый президент, мы обращаемся к президентским выборам, если главой правительства является непрямо избираемый президент или премьер-министр, мы рассматриваем парламентские выборы³⁸.

В анализ включены 227 выборов, которые были проведены в 1946–2000 годах. Эти выборы приведены в табл. 1.

Из этих выборов 159 являются президентскими, а 68 – парламентскими. К субсахарной Африке относится около 40% наблюдений, в то время как к Латинской Америке – около четверти наблюдений, что соответствует второму месту среди регионов по доле выборов. Соразмерно увеличению числа доминантных партий, указанному выше на рис. 1, более половины всех выборов, включенных в выборку, было проведено после 1980 года³⁹.

Перебежчики должны являться членами доминантной партии для того, чтобы считаться таковыми. Выход из партии должен быть добровольным. Исключение из партии не учитывается нами как выход,

потому что в таких случаях член партии не имеет иного выбора, кроме как уйти из партии⁴⁰. Выход из партии должен произойти между двумя выборами, а в странах с первыми конкурентными выборами – после выборов или после приобретения партией легального статуса. Последнее правило предполагается применять при рассмотрении ситуаций, в которых существовала однопартийная система на протяжении столь длительного времени, что каждый, кто приходит в политику и участвует в первых (или последующих) выборах, должен был состоять в единственной партии в прошлом. Предшествующее членство в партии в этих случаях не рассматривается в качестве достаточного критерия для их отнесения к выходу из партии. Наконец, мы предполагаем, что однажды выйдя из партии, член партии в дальнейшем не сможет в нее вернуться. Таким образом, если член партии участвует в более чем одних выборах, это не является возможным для индивидуального перебежчика во всех выборах, следующих за теми выборами, в ходе которых он мог стать перебежчиком. Наша переменная выхода из партии включает два значения: «1» соответствует случаям, в которых произошел выход из партии в год проведения определенных выборов и «0» – случаям, в которых не произошел выход из партии в год проведения определенных выборов. Наша переменная выхода из партии включает только случаи выхода высокопоставленных членов партии, когда перебежчик уходит из партии для того, чтобы участвовать в выборах главы исполнительной власти, при этом было очень мало примеров нескольких выходов из партии в течение одного года. Лишь в 4 из 42 выборов, в ходе которых произошли расколы, двое перебежчиков выдвинули свои кандидатуры на одних и тех же выборах. При этом не было ни одного случая,

³⁷ Przeworski A., Alvarez M., Cheibub J.A., Limongi F. *Democracy and Development: Political Institutions and Well-Being in the World, 1950–1990*. – New York: Cambridge University Press, 2000. – 321 p.

³⁸ В силу того, что у нас нет возможности собрать информацию обо всех кандидатах на парламентских выборах в парламентских режимах, мы рассматриваем только основателей и действующих руководителей партий в парламентских режимах. Если основателями и/или действующими руководителями оппозиционной партии являются лица, до выборов состоявшие в доминантной партии, это определяется как раскол.

³⁹ Информацию об источниках, используемых в анализе переменных, можно найти на интернет-странице автора. Точка доступа: http://userwww.service.emory.edu/~oreuter/Reuter_Site/Home.html

⁴⁰ Мы допускаем, что это правило кодирования может не учитывать ситуации, в которых потенциальный перебежчик бросает вызов режиму с четкой целью добиться исключения из партии. Но мы решили не кодировать эти случаи как расколы, потому что включение этих случаев в совокупность расколов неизбежно повлекло бы учёт инициированных режимов партийных чисток, когда известные члены партии просто исключались из партии против их собственной воли.

когда более двух перебежчиков участвовали в одних и тех же выборах.

Главной независимой переменной является экономический рост. Мы измеряем экономический рост через средние темпы роста валового внутреннего продукта (ВВП) за период, начинающийся с года предыдущих выборов в режиме с доминантной партией и заканчивающийся годом, предшествующим выборам. Для тех случаев, в которых не было предыдущих выборов, период измерения начинается за 5 лет до проведения выборов. С помощью этой переменной мы намерены проверить основную гипотезу, которая состоит в том, что раскол является более вероятным во время неблагоприятного состояния экономики: показатель средних темпов роста ВВП должен иметь отрицательное значение⁴¹.

В соответствии с теориями модернизации избиратели более склонны к совершенствованию идеологических инвестиций в оппозиционных кандидатов и/или придавать высокую ценность политической конкуренции при повышении уровня экономического развития. Поэтому мы также проверяем реальный ВВП на душу населения. Высокий уровень развития может быть связан с большим числом расколов.

Мы включаем ряд аналитических контрольных переменных для учета действий, которые предпринимают режимы для предупреждения ухода элит из партии. В качестве переменной, отражающей уровень репрессивности режима, мы используем переменную типа режима «Polity», значения которой имеют выраженные различия среди режимов с доминантной партией, включенных в нашу выборку. Высокие значения переменной «Polity» соответствуют менее репрессивным и более открытым режимам, таким образом, тип режима должен иметь положительную связь с расколами. Переменная «Рента», выступающая релевантным измерением ресурсов, которые имеют в своем распоряжении авторитарные лидеры, используется в качестве контрольной переменной. Она включа-

⁴¹ Мы также проверяем влияние долгосрочного экономического роста (показатель среднего роста в течение срока деятельности доминантной партии) и одногодичного запаздывания экономического роста. Как было сказано выше, результаты влияния этих переменных являются похожими.

ет пять значений, соответствующих разным уровням доли стоимости экспорта топливно-энергетических ресурсов, минералов и/или горных руд в ВВП. С повышением значения переменной «Рента» вероятность раскола снижается, потому что автократы имеют больше ресурсов для кооптации элит.

Таблица 1
Перечень кейсов, включенных в анализ

Страна	Год
Ангола	1992
Азербайджан	1998
Азербайджан	2003
Бангладеш	1973
Бенин	1960
Боливия	1956
Боливия	1960
Боливия	1964
Ботсвана	1969
Ботсвана	1974
Ботсвана	1979
Ботсвана	1984
Ботсвана	1989
Ботсвана	1994
Ботсвана	1999
Ботсвана	2004
Бразилия	1966
Бразилия	1970
Бразилия	1974
Бразилия	1978
Буркина-Фасо	1978
Буркина-Фасо	1998
Камбоджа	1998
Камбоджа	2003
Камерун	1965
Камерун	1992
Камерун	1997
Камерун	2004
Чад	1996
Чад	2001
Колумбия	1958
Республика Конго	1992
Кот-д'Ивуар	1990
Кот-д'Ивуар	1995
Джибути	1993
Джибути	1999
Доминиканская Республика	1947
Доминиканская Республика	1952
Доминиканская Республика	1957
Доминиканская Республика	1962
Египет	1956
Египет	1958
Египет	1965
Египет	1970
Египет	1976
Египет	1981
Египет	1987
Египет	1993
Египет	1999
Сальвадор	1956
Сальвадор	1962
Сальвадор	1962
Сальвадор	1967
Сальвадор	1972
Сальвадор	1977
Экваториальная Гвинея	1996
Экваториальная Гвинея	2002

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ГЕОПОЛИТИКА

Страна	Год	Страна	Год
Эфиопия	1995	Мексика	1976
Эфиопия	2000	Мексика	1982
Габон	1961	Мексика	1988
Габон	1964	Мексика	1994
Габон	1967	Мексика	2000
Габон	1993	Мозамбик	1994
Габон	1998	Мозамбик	1999
Гамбия	1966	Мозамбик	2004
Гамбия	1972	Намибия	1994
Гамбия	1977	Намибия	1999
Гамбия	1982	Намибия	2004
Гамбия	1987	Никарагуа	1947
Гамбия	1992	Никарагуа	1950
Гамбия	2001	Никарагуа	1957
Грузия	2000	Никарагуа	1963
Гана	1960	Никарагуа	1967
Гана	1992	Никарагуа	1974
Гана	1996	Нигер	1993
Гвинея	1998	Нигер	1996
Гвинея	2003	Нигерия	1999
Гвинея-Бисау	1994	Нигерия	2003
Гвинея-Бисау	1999	Парагвай	1954
Гайана	1968	Парагвай	1958
Гайана	1973	Парагвай	1963
Гайана	1980	Парагвай	1968
Гайана	1985	Парагвай	1973
Гайана	1992	Парагвай	1978
Гондурас	1948	Парагвай	1983
Гондурас	1954	Парагвай	1988
Индонезия	1971	Парагвай	1989
Индонезия	1977	Парагвай	1993
Индонезия	1982	Парагвай	1998
Индонезия	1987	Перу	1995
Индонезия	1992	Перу	2000
Индонезия	1998	Филиппины	1969
Кения	1963	Филиппины	1981
Кения	1992	Филиппины	1986
Кения	1997	Йеменская Республика	1993
Кения	2002	Йеменская Республика	1997
Республика Корея	1963	Йеменская Республика	1999
Республика Корея	1967	Россия	2004
Республика Корея	1971	Руанда	2003
Республика Корея	1987	Сенегал	1963
Либерия	1951	Сенегал	1978
Либерия	1955	Сенегал	1983
Либерия	1959	Сенегал	1988
Либерия	1963	Сенегал	1993
Либерия	1967	Сенегал	2000
Либерия	1971	Сейшельские острова	1993
Либерия	1975	Сейшельские острова	1998
Мадагаскар	1965	Сейшельские острова	2001
Мадагаскар	1972	Сьерра-Леоне	1973
Мадагаскар	1992	Сьерра-Леоне	1976
Малайзия	1969	Сьерра-Леоне	2002
Малайзия	1974	Сингапур	1968
Малайзия	1978	Сингапур	1972
Малайзия	1982	Сингапур	1976
Малайзия	1986	Сингапур	1980
Малайзия	1990	Сингапур	1984
Малайзия	1995	Сингапур	1988
Малайзия	1999	Сингапур	1991
Малайзия	2004	Сингапур	1997
Мавритания	1961	Сингапур	2001
Мавритания	1992	Шри-Ланка	1977
Мавритания	1997	Шри-Ланка	1982
Мавритания	2003	Шри-Ланка	1988
Мексика	1946	Шри-Ланка	1994
Мексика	1952	Тайвань	1969
Мексика	1958	Тайвань	1972
Мексика	1964	Тайвань	1975
Мексика	1970	Тайвань	1980

Страна	Год
Тайвань	1983
Тайвань	1986
Тайвань	1989
Тайвань	1992
Тайвань	1995
Тайвань	1996
Тайвань	2000
Танзания	1995
Танзания	2000
Того	1961
Того	1963
Того	1993
Того	1998
Того	2003
Тунис	1959
Тунис	1989
Тунис	1994
Тунис	1999
Тунис	2004
Турция	1946
Турция	1950
Турция	1954
Турция	1957
Замбия	1968
Замбия	1991
Зимбабве	1990
Зимбабве	1996
Зимбабве	2002

Мы также включаем ряд показателей, отражающих воспринимаемую электоральную уязвимость режима. Потенциальные перебежчики должны быть менее склонными к уходу из партии, когда воспринимаемые шансы на победу над режимом или даже на достижение достаточно высокого результата на выборах являются незначительными. Это восприятие в значительной степени зависит от того, насколько режим был способен обеспечить поддержку на предыдущих выборах, либо с помощью собственной привлекательности, применения манипуляций или фальсификации результатов голосования. Таким образом, мы проверяем долю голосов полученных режимным кандидатом/партией на предыдущих выборах через переменную «Предыдущее голосование»⁴². Коэффициент переменной должен иметь отрицательное значение. Кроме того, элиты могут иметь возможность оценить электоральные перспективы режима перед выборами. Исходя

⁴² Если президентские выборы ранее не проводились, мы учитываем долю голосов, полученных доминантной партией, на последних парламентских выборах. В случае проведения первых выборов после однопартийного правления, переменной «Предыдущее голосование» присваивается значение «100». В случае проведения первых выборов после обретения независимости мы учитываем долю голосов, полученных доминантной партией на выборах в территориальные или колониальные законодательные собрания.

из этого, мы также проверяем долю голосов режима на выборах с помощью переменной «Доля голосов».

Мы также проверяем инкубентный статус режимного кандидата. В целом диктатуры являются уязвимыми при возникновении проблемы передачи власти, в силу того, что они, как правило, не имеют устоявшихся институциональных механизмов обеспечения сменяемости власти⁴³. Потенциальные перебежчики могут быть более смелыми в выдвижении своих кандидатур на выборах, когда инкубент уходит в отставку и оставляет после себя нового, не имеющего достаточного электорального опыта приемника, который становится режимным кандидатом на выборах. Переменная «Инкубентность» имеет значение «1» в случаях, когда инкубент участвует в выборах, значение «0» – в случаях, когда инкубент не участвует в выборах, и предположительно имеет отрицательное влияние на выход членов из правящей партии.

Потенциальным перебежчикам, как и всем другим ожидаемым участникам выборов необходимо учитывать не только режим, но и стратегии существующей оппозиции. В частности, число других претендентов влияет на принятие потенциальными кандидатами решения об участии в выборах⁴⁴. Сильно фрагментированная оппозиция может в большей степени, чем выражено консолидированная оппозиция, способствовать участию перебежчиков в выборах. Мы измеряем фрагментацию оппозиции путем деления доли голосов, полученных ведущей

⁴³ Power: Zimbabwe // Africa Research Bulletin: Economic, Financial and Technical Series. – Oxford, 2007. – Vol. 44. – No. 1. – P. 17279C–17280B.

⁴⁴ Мы не имеем возможности измерить пространственное расположение кандидатов и партий на выборах в условиях авторитарного режима. При этом, вполне можно утверждать, что диктатурах разногласия во взглядах на проведение политического курса между оппозиционными партиями играют большую роль в избирательных компаниях в силу того, что изначально понятно, что эти партии имеют небольшие шансы реализовать свою платформу. Cox G.V. Making Votes Count: Strategic Coordination in the World's Electoral Systems. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 340p; Hug S. Altering Party Systems: Strategic Behavior and the Emergence of New Political Parties in Western Democracies. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 2001. – 215 p.

оппозиционной партией, на сумму долей голосов, отданных за все оппозиционные партии, $p_i / \sum p_r$, где p – доля голосов, набранных i -ой оппозиционной партией. Эта переменная имеет значение «1», когда в выборах участвует только одна оппозиционная партия, что означает наличие единой оппозиции. Переменная «Сила оппозиции» должна иметь отрицательное влияние на расколы.

Мы также включаем несколько других контрольных переменных, отражающих институциональную среду, в которой проходят выборы. Мы проверяем продолжительность существования партии, потому что способность доминантных партий предупреждать расколы может развиваться с увеличением времени деятельности. Давно существующие партии могут иметь более развитые организационные и институциональные механизмы, обеспечивающие лояльность элит через эффективное распределение патронажа, что усиливает электоральное превосходство партий. Вместе с тем, доминантные партии со значительным сроком существования могут иметь больше перебежчиков, чем недавно образованные партии, потому что они неспособны справиться со всем грузом возникающих проблем.

Независимо от наличия или отсутствия этой связи, мы включаем непрерывную переменную «возраст партии», отражающую продолжительность времени (в годах), в те-

чение которого доминантная партия оставалась у власти.

Контрольная переменная «Первые выборы» показывает, являются ли определенные выборы первыми конкурентными выборами, проведенными в условиях однопартийного доминирования после периода однопартийного правления. Вероятность расколов может увеличиваться в ситуации, когда впервые появляется возможность бороться с режимом на выборах. Мы также проверяем тип выборов (президентские или парламентские), в ходе которых определяется глава исполнительной власти с помощью бинарной переменной «Непрямые выборы». Эта переменная принимает значения «1», когда лицо главы исполнительной власти (премьер-министра) определяется в ходе парламентских выборов или когда парламент голосует за президента, и принимает значения «0», когда президент избирается на прямых выборах.

Некоторые страны имеют выраженно конфликтную политическую среду, что порождает постоянные расколы правящей партии. Поэтому мы включаем бинарную переменную «Прошлые расколы», которая принимает значение «1» в случае, если партия имела опыт расколов когда-либо в прошлом.

Наконец, в силу того, что многие рассматриваемые нами кейсы относятся к субсахарной Африке, мы включаем контрольную переменную для данного региона «субсахарная Африка».

Таблица 2

Описательная статистика переменных анализа

Переменная	Среднее значение	Стандартное отклонение	Минимальное значение	Максимальное значение	N
Расколы	0,19	0,39	0	1	223
Средний рост	2,92	5,15	-10,53	47,80	191
Возраст партии	19,52	15,64	1	72	227
Первые выборы	0,11	0,30	0	1	227
Инкубентность	0,83	0,39	0	1	226
Непрямые выборы	0,30	0,46	0	1	226
ВВП на душу населения	4090,20	4416,10	411,86	28361,03	191
Сила оппозиции	0,51	0,35	0	1	219
Прошлые расколы	0,21	0,40	0	1	227
Предыдущее голосование	71,99	23,72	0	100	214
Polity	-1,30	5,52	-9	9	224
Рента	1,26	1,31	0	4	227
Субсахарная Африка	0,43	0,49	0	1	222
Доля голосов	71,90	18,93	31,01	100,00	221

Примечание. Описание переменных приведено в тексте статьи.

В табл. 2 приведена описательная статистика всех переменных, используемых в анализе. Выборка включает 42 случая раскола. В силу бинарного характера переменной мы оцениваем влияние экономического роста на расколы с помощью логит-моделей. Наличие выбросов может быть обусловлено существованием ненаблюдаемых, партийно-индивидуальных факторов, которые делают расколы более вероятными в некоторых режимах с доминантной партией. В этой связи мы кластеризируем устойчивые стандартные ошибки случаев однопартийного доминирования. Кластеризованные стандартные ошибки учитывают неоднородность структуры ошибок и наиболее вероятный источник автокорреляции наших данных⁴⁵.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Результаты моделей показывают устойчивое подтверждение нашей гипотезы о влиянии экономического развития на расколы. В первом столбце табл. 3 приведены результаты бинарной модели, которая включает только основную интересующую нас независимую переменную. Показатели переменной «Средний рост» в течение последнего электорального цикла имеют выражено отрицательное влияние на расколы. В условиях благоприятной экономической ситуации в краткосрочном периоде элиты менее склонны к уходу из правящей партии. Как показывают следующие модели, этот результат удивительно устойчив к включению многочисленных контрольных переменных.

⁴⁵ Последние исследования, в рамках которых использовались кросс-национальные данные со столь же низкими, как и наши, показателями отношения числа стран (N) к периоду времени (T), укладываются в этот подход (Golder M. *Presidential Coattails and Legislative Fragmentation* // *American Journal of Political Science*. – Hoboken, NJ, 2006. – Vol. 50, No. 1. – pp. 34–48.; Hicken A. *Building Party Systems in Developing Democracies*. – New York: Cambridge University Press, 2009. – 207 p.). Включение запаздывающей зависимой переменной для коррекции автокорреляции между переменными неосуществимо в условиях большого числа наблюдений, которое может колебаться между выборами. Даже в этом случае модели, включающие переменную «Прошлые расколы» (измерение того, сталкивалась ли доминантная партия с расколами когда-либо в прошлом) в качестве контрольной переменной, имеют слабую временную зависимость.

Модель 2 показывает влияние экономического развития на вероятность расколов после включения группы контрольных переменных, описанных выше. Влияние экономического развития остаётся сильным. Большинство других контрольных переменных являются статистически незначимыми с некоторыми исключениями. Отрицательное и статистически значимое влияние переменной «Доля голосов» означает, что если члены партии предвидят высокие электоральные результаты инкумбента, то они менее склонны к уходу из партии⁴⁶. Переменная «Возраст партии» близка к достижению статистической значимости. Давно существующие партии имеют большую вероятность столкнуться со случаями раскола.

Другие контрольные переменные этой модели не имеют значимого влияния, в достаточной степени отличного от нуля. Независимо от того, являются прямыми или непрямыми выборы на пост главы исполнительной власти, это не оказывает влияния на вероятность расколов. Кроме того, на вероятность расколов в правящей партии не оказывают влияния проблемы передачи власти, как показывают результаты анализа переменной «Инкубентность». Доступность ренты (переменная «Рента») не имеет влияния на предупреждение ухода членов из доминантной партии. Уровень развития также не является имеющим влияние фактором, о чем свидетельствует незначимый коэффициент переменной «ВВП на душу населения». Ни стратегия позиции, ни опыт прошлых расколов партии не оказывают влияния на поведение потенциальных перебежчиков. Переменная «Первые выборы» также незначима, потому что вероятность расколов не является более высокой в условиях конкурентных

⁴⁶ При этом обратная причинно-следственная связь возможна в случае, когда раскол может влиять на долю голосов, полученных инкумбентом на совпадающих по времени выборах. Также эта переменная обладает сильной корреляцией с переменными «Polity» и «Предыдущее голосование». Действительно, после исключения переменной «Доля голосов» из Модели 2 переменная «Предыдущее голосование» становится значимой. Поэтому в большинстве последующих моделей для устранения проблем эндогенности, представляемых переменной «Доля голосов», мы используем переменные «Предыдущее голосование» и «Доля голосов».

выборов после периода однопартийного правления или отсутствия выборов⁴⁷. Наконец, в расколах нет вариации, объясняемой региональными различиями⁴⁸.

Модель 3 является усеченной моделью и включает только те контрольные переменные, которые близки к достижению установленного уровня статистической значимости. Для максимизации эффективности и числа наблюдений в следующие модели мы включили те контрольные переменные, которые вместе с любой другой контрольной переменной или при проверке устойчивости модели остаются значимыми.

В модели 4 мы проверяем эффект типологии авторитарных режимов, разработанной Б.Геддес⁴⁹. Эта классификация трех типов авторитарных режимов (однопартийный, персоналистский и военный) широко используется в литературе. Мы включаем контрольные переменные как для чистых категорий режима Б.Геддес, так и для гибридных категорий. Мы предполагаем, что

однопартийные и связанные с ними гибридные режимы будут более эффективны в предупреждении расколов по причине наличия сильных институциональных связей⁵⁰. Вместе с тем, результаты показывают, что тип диктатуры не оказывает независимого влияния на вероятность расколов.

В модель 5 для учета ряда концептов, которые мы предполагали включить в исходный перечень контрольных переменных, мы вводим дополнительные контрольные переменные. Вместо переменной «Polity» (которая оказалась статистически незначимой) мы проверяем склонность режима к применению репрессий через включение переменной «Свобода прессы», которая может принимать значения от 1 до 4, в зависимости от степени контроля или цензуры прессы со стороны правительства. Переменная «Свобода прессы» должна иметь отрицательное влияние на вероятность расколов⁵¹. Вместо переменной «Предыдущее голосование», применяемой для анализа воспринимаемой электоральной уязвимости режима, мы обращаемся к изменению доли голосов, полученных режимным кандидатом в течение определенного времени. Значения переменной «Электоральный спад» рассчитываются как сумма отклонений результатов режимного кандидата на выборах по сравнению с предыдущими выборами. Например, если кандидат А набирает 70% голосов на выборах t , 50% - на выборах $t+1$ и 60% - на выборах $t+2$, значение переменной «Электоральный спад» на выборах $t+2$ составляет $(70-50)+(50-60)=10$. В силу того, что

⁴⁷ Большое значение структуры возможностей для определения вероятности расколов повышает важность вопроса внутрипартийных выборов. Если диктаторы предвидят выход элит из коалиций на предстоящих выборах, они могут отменить выборы, открывая возможность для эффектов отбора, который может привести к смещению наших результатов. Анализируя отменённые выборы, мы выявили, что диктаторы в партийных режимах крайне редко отменяют выборы. Например, в Африке назначенные выборы были впоследствии отменены лишь четыре раза (выборы в Анголе в 1997 и 2002 годах, выборы в Буркина-Фасо в 1974 году и выборы в Гвинее-Бисау в 1992 году). Исходя из низкой распространённости случаев отмены выборов, мы решили не использовать модель отбора, потому что асимметрия зависимой переменной на первом этапе (отменённые выборы) приведёт к выражено неэффективным и возможно смещённым оценкам ковариат, которые влияют на принятие решения о проведении выборов, и обратному показателю Миля. Кроме того, в силу того, что выраженность смещения отбора прямо пропорциональна доле отсекаемых от выборки наблюдений, мы оптимистичны в отношении устойчивости наших результатов к возможному смещению отбора.

⁴⁸ Указанная модель включает только субсахарную Африку в качестве контрольной переменной. В других результатах мы проверили другие региональные контрольные переменные и обнаружили их совместно незначимыми.

⁴⁹ Geddes B. [Geddes, 1999b] What Do We Know about Democratization after Twenty Years? // *Annual Review of Political Science*. – Palo Alto, CA, 1999. – Vol. 2. – pp. 115–144.

⁵⁰ Мы признательны Дж. Райту за предоставленный нам обновленный вариант классификации режимов Б.Геддес [Wright J. Do Authoritarian Institutions Constrain? How Legislatures Affect Economic Growth and Investment // *American Journal of Political Science*. – Hoboken, NJ, 2008. – Vol. 52, No. 2. – pp. 322–343].

⁵¹ Мы также пробовали измерить склонность режима к применению репрессий через переменную, оценивающую число репрессивных действий в течение года, где репрессивные действия описываются как любые систематические тюремные заключения или казни, применяемые режимом по отношению к политической оппозиции (Banks A. Cross-National Time Series Data Archive. – Binghamton, NY, 2005. – Mode of access: <http://www.databanksinternational.com/32.html> (date of access: 06.04.2014)). Эта переменная оказалась незначимой.

Таблица 3

Влияние экономического роста на расколы доминантных партий

Переменная	Коэффициенты											
	Модель 1	Модель 2	Модель 3	Модель 4	Модель 5	Модель 6	Модель 7	Модель 8	Модель 9	Модель 10	Модель 11	Модель 12
Средний рост	-0,189*** (0,062)	-0,180*** (0,072)	-0,236*** (0,054)	-0,238*** (0,066)	-0,242*** (0,095)	-0,292*** (0,127)	-0,038 (0,235)	-0,391* (0,201)	-0,208*** (0,061)	-0,297*** (0,067)		
Предыдущее голосование		-0,001 (0,017)	-0,018* (0,010)	-0,014 (0,010)	-0,060** (0,029)	-0,019* (0,010)		-0,041 (0,026)	-0,018* (0,011)	-0,018* (0,011)	-0,018* (0,010)	-0,013 (0,011)
Возраст партии		0,031 (0,026)	0,036*** (0,012)	0,024* (0,014)	0,034 (0,024)	0,033*** (0,012)	0,033** (0,013)	0,084** (0,033)	0,029** (0,012)	0,042*** (0,013)	0,038*** (0,011)	0,032*** (0,010)
Рента		0,243 (0,188)										
Непрямые выборы		-0,547 (0,572)										
ВВП на душу населения		0,000 (0,000)										
Инкубентность		0,219 (0,745)										
Доля голосов		-0,038* (0,021)										
Сила оппозиции		0,552 (0,854)										
Прошлые расколы		0,543 (0,646)										
Субсахарная Африка		-0,013 (0,618)										
Первые выборы		0,885 (0,985)										
Polity		0,062 (0,050)										
Однопартийные режимы				-0,231 (0,748)								
Военные режимы				-0,881 (1,672)								
Персоналистские режимы				-1,256 (0,842)								
Тройная угроза				-3,106* (1,600)								
Военные /				-0,750 (1,758)								
Персоналистские режимы				-0,785 (1,037)								
Однопартийные /					0,298 (0,509)							
Персоналистские режимы					0,027 (0,019)							
Свобода прессы												
Электоральный спад												
Возраст партии X						0,003 (0,004)						
Средний рост												
Доля голосов X												
Средний рост												
Средний рост в течение срока												
деятельности партии												
Запаздывающий рост												
Постоянные величины		-1,042*** (0,230)	-0,131 (1,414)	0,236 (1,060)	0,911 (2,924)	-0,369 (0,801)	1,653* (0,953)	-0,059 (1,558)	-0,259 (0,871)	-0,461 (0,760)	-0,423 (0,724)	-0,107*** (0,033)
Число наблюдений	187	159	183	183	77	183	185	56	127	180	182	183

Примечание. Устойчивые стандартные ошибки приведены в скобках и сгруппированы по доминантным партиям. *** p < 0,01, ** p < 0,05, * p < 0,1

положительные значения отражают чистое снижение доли голосов, полученных инкубентом, переменная «Электоральный спад» должна иметь отрицательную корреляцию с расколами. Мы включаем эти две контрольные переменные в отдельную модель, потому что они значительно уменьшают размер нашей выборки (со 187 до 77 наблюдений).

Модель 6 показывает взаимодействие экономического роста и срока деятельности партии в определении того, обусловлено ли влияние первого на продолжительность пребывания партии у власти. Статистически незначимый коэффициент эффекта взаимодействия означает, что влияние роста не изменяется при разных значениях срока деятельности партии. Вместе с тем, проверка условных коэффициентов этой модели показывает, что содержательная и статистическая значимость переменной «Средний рост» остается неизменной при разных уровнях продолжительности существования партии. Иными словами, негативная экономическая ситуация стимулирует расколы в доминантных партиях в равной степени как в недавно образованных партиях, так и в партиях со значительным сроком существования. Этот результат дает эмпирическое обоснование отказа от использования критерия долговечности в концептуализации понятия доминантных партий.

Модель 7 позволяет оценить эффект взаимодействия переменных «Доля голосов» и «Средний рост» для проверки того, обусловлено ли влияние последнего уровнем электорального доминирования режима. Незначимый коэффициент эффекта взаимодействия свидетельствует о том, что это не так. Влияние переменной «Средний рост» на вероятность расколов не изменяется при разных уровнях доминирования партии. Обращение к условным коэффициентам для этого эффекта взаимодействия подтверждает, что влияние экономического развития на расколы не зависит от количества голосов, полученных партией. Экономический рост не способствует расколам как в тех режимах, которые обладают устойчивыми электоральными позициями, так и в тех режимах, которые едва обеспечивают большинство мест в парламенте. Это дает определенное

эмпирическое обоснование для уровня 50%, используемого для концептуализации понятия доминантных партий.

Модели 8 и 9 показывают отдельные результаты для парламентских и президентских режимов соответственно. Число наблюдений значительно уменьшилось в подвыборках. Экономический рост имеет содержательное и значительное влияние на расколы в президентских режимах, при этом его влияние не является статистически значимым в парламентских режимах. Возможно, случайный вывод, сделанный на основе малого числа наблюдений в парламентской подвыборке, также может иметь под собой содержательные основания: влияние роста на расколы может быть в парламентских режимах менее постоянным в силу сложности, которую имеют избиратели при определении ответственности за экономическое развитие парламентских режимов в сравнении с президентскими режимами. Избиратели склоны поощрять/наказывать инкубентов, когда они точно могут установить ответственность за экономические результаты⁵². В этой связи на президентских выборах избиратели в большей степени склонны приписывать инкубентам ответственность за экономику, чем в парламентских режимах, в условиях которых парламент может отстранить членов правительства от должности между выборами, позволяя ответственным за развитие экономики избежать наказания со стороны избирателей⁵³. Эти закономерности относятся к избирателям в демократических режимах, но они также могут быть релевантными для экономического голосования в недемократических режимах, даже

⁵² Bingham Powell G., Jr., Whitten G. A Cross-National Analysis of Economic Voting: Taking Account of the Political Context // *American Journal of Political Science*. – Hoboken, NJ, 1993. – Vol. 37, No. 2. – pp. 391–414; Anderson C. The End of Economic Voting? Contingency Dilemmas and the Limits of Democratic Accountability // *Annual Review of Political Science*. – Palo Alto, CA, 2007. – Vol. 10. – pp. 271–296; Duch R.M., Stevenson R. Economic Vote: How Political and Economic Institutions Condition Election Results. – New York: Cambridge University Press, 2008. – 399 p.

⁵³ Hellwig T., Samuels D. Electoral Accountability and the Variety of Democratic Regimes // *British Journal of Political Science*. – London, 2008. – Vol. 38, No. 1. – pp. 65–90.

если вероятность поражения инкумбента является незначительной. Избиратели на выборах в условиях недемократического режима могут верить (ошибочно), что смена власти возможна или хотят сообщить о своем недовольстве работой инкумбента. Эта ответственность в таких условиях затуманивается, что может удерживать потенциальных перебежчиков от выхода из партии, так как они предвидят, что избиратели не смогут точно оценить деятельность инкумбента.

Переменная «Средний рост» содержит несколько экстремальных значений. Для установления того, что наши результаты устойчивы к возможным выбросам, мы проверяли значения «D» Кука и исключили четыре влияющих наблюдения. Результаты Модели 10 показывают, что наши результаты после исключения этих наблюдений в основном остаются неизменными. Мы также убедились в том, что наши результаты оказались устойчивы к исключению наблюдений с пятью самыми высокими и пятью самыми низкими значениями экономического роста.

Наконец, Модели 11 и 12 показывают, что содержательные результаты влияния роста на вероятность расколов устойчивы к различным измерениям основной интересующей нас независимой переменной. Модель 11 включает показатель среднего роста в течение всего срока деятельности партии (переменная «Средний рост в течение срока деятельности партии»). Более конкретно, этот показатель рассчитывается на основе среднегодового роста реального ВВП на душу населения за период, начинающийся с первого года пребывания доминантной партии у власти и заканчивающийся предшествующим выборам годом. В качестве альтернативного варианта Модель 12 включает переменную «Запаздывающий рост», которая отражает показатель роста реального ВВП на душу населения за предыдущий год. Обе модели показывают, что продолжительность времени, в течение которого измеряется рост, не вносит отрицательного воздействия во влияние благоприятной экономической ситуации на вероятность расколов.

Очевидно, наиболее важные результаты анализа моделей представляют отрицательные коэффициенты переменной «Средний

рост». Значимость других результатов состоит в том, что в менее «автократических» режимах и в давно существующих партиях могут с большой вероятностью произойти расколы даже при управлении степенью открытости режима. Этот результат может пролить определенный эмпирический свет на ведущиеся в литературе споры между теми, кто предполагает усиление институциональных связей партии с течением времени⁵⁴ и теми, кто отмечает склонность доминантных партий становиться более хрупкими при увеличении срока их деятельности⁵⁵. Наши выводы свидетельствуют о том, что такие коалиции могут со временем становиться менее прочными, даже после контроля их доли голосов.

Влияние роста на вероятность расколов графически изображено на рис. 2, который показывает прогнозируемую вероятность раскола в Модели 3 в присутствии других контрольных переменных, а также выраженные различия значений переменной «Средний рост» в выборке.

Когда рост является положительным, прогнозируемая вероятность раскола является низкой при небольшом доверительном интервале. В случае отрицательных значений среднего роста вероятность расколов в доминантной партии возрастает, но доверительный интервал при этом значительно увеличивается. По-видимому, экономическая деятельность инкумбентов не должна быть главным критерием. Настолько долго, насколько авторитарные инкумбенты не могут справиться с экономическими катастрофами или длительными периодами экономического спада, они могут не беспокоиться о выходе членов из доминантной партии.

⁵⁴ Magaloni B. *Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and its Demise in Mexico*. – New York: Cambridge University Press, 2006. – 296 p.; Brownlee J. *Authoritarianism in the Age of Democratization*. – New York: Cambridge University Press, 2007. – 264 p.

⁵⁵ Haggard S., Kaufman R.R. *The Political Economy of Democratic Transitions*. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1995. – 391 p.; Bunce V. *Subversive Institutions: The Design and Destruction of Socialism and the State*. – New York: Cambridge University Press, 1999. – 206 p.

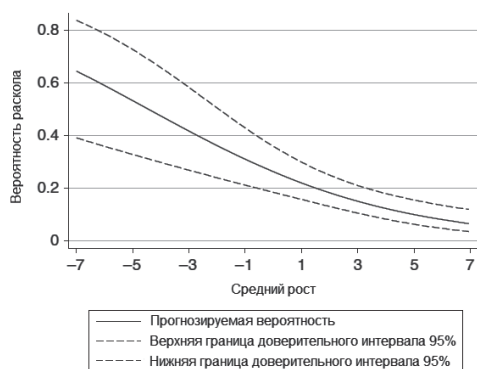

Рис. 2. Влияние роста на прогнозируемую вероятность расколов

Результаты показывают, что экономический рост имеет значимое влияние на вероятность, с которой элиты режима будут выходить из доминантной партии. Кроме того, потенциальные перебежчики, судя по всему, не предполагают, что более обеспеченные избиратели будут совершать «идеологические инвестиции» в оппозицию. Когда экономический рост является высоким, избиратели более склонны соглашаться со статусом-кво. Наблюдая за этим, члены доминантной партии имеют мало стимулов к выходу из партии и борьбе с инкумбентом на выборах⁵⁶.

КРИЗИСЫ И РАСКОЛЫ ЭЛИТ В ТУРЦИИ И ЗИМБАБВЕ

Теперь приступим к более углубленному анализу зависимости между экономическим развитием и расколами в двух важных доминантных партиях – Демократической партии в Турции и Зимбабвийском Африканском Национальном Союзе – Патриотическом Фронте в Зимбабве. Целью рассмотрения этих кейсов является более глубокое исследование устоявшейся и хорошо обобщенной связи, что полностью соответствует выбору случаев однопартийного

⁵⁶ Мы также проверили эту альтернативную гипотезу через включение показателя доходов на душу населения. Коэффициент доходов на душу населения ни разу не показал значимость, отличную от нуля, при этом влияние других переменных оставалось содержательно неизменным.

доминирования по значениям независимой и зависимой переменной⁵⁷. Таким образом, в выбранных кейсах доминантные партии претерпевали расколы в условиях нарастающего экономического кризиса. Оба случая увязываются с контекстом нашей теории, показывая, что она имеет значение в реальном мире авторитарной политики, начиная с более или менее отдаленного прошлого. Мы также изучаем возможность того, что разногласия во взглядах по вопросам проведения политического курса и/или межличностные противоречия обуславливают наблюдаемую связь между экономическим развитием и расколами. Несмотря на то, что исторические факты не позволяют нам полностью исключить роль разногласий во взглядах на проведение политического курса и/или межличностных противоречий в стимулировании расколов, сильная временная связь между экономическим спадом и выходом членов из режимной партии в обоих случаях является показательной. Последовательный характер событий также вызывает сомнения в возможности существования обратной причинно-следственной связи, в соответствии с которой расколы влияют на макроэкономическую ситуацию.

ПЕРВАЯ ТУРЕЦКАЯ РЕСПУБЛИКА: РАСКОЛ ПАРТИИ СВОБОДЫ

С 1923 по 1946 год Турция была однопартийным государством, в котором власть принадлежала Кемалистской Народно-Республиканской Партии (НРП). Партия и государство в этот период были тесно связаны между собой, а оппозиционные партии были запрещены. В 1946 году по инициативе НРП было разрешено создание других политических партий, а затем в июле того же года последовало проведение первых в истории Турции конкурентных выборов⁵⁸. Одной из первых оппозицион-

⁵⁷ Gerring J. Case Study Research: Principles and Practices. – New York: Cambridge University Press, 2007. – 265 p.

⁵⁸ Исторический опыт показывает, что проведение выборов было нерегулярным. Более того, выборы объявлялись как можно позднее, чтобы воспользоваться неспособностью оппозиции подготовиться к выборам за столь короткое время. Несмотря на то, что официальные результаты выборов ни разу не становились общедоступными, НРП сохраняла контроль большин-

ных партий была создана Демократическая Партия (ДП), основанная в том же году влиятельной группой министров и парламентариев от НРП⁵⁹. На выборах 1950 года ДП легко победила, заняв 416 из 487 мест в парламенте.

Несмотря на то, что эти выборы принесли с собой смену власти, новое правительство ДП мало что сделало для дальнейшей политической либерализации. Несмотря на данные в ходе избирательной кампании обещания исключить антидемократические законы из законодательства Турции, партия вскоре отказалась от этой повестки и вместо этого перешла к дальнейшему ограничению свободы прессы и деятельности оппозиции⁶⁰. Уже в мае 1951 года партия ввела в действие закон, расширяющий государственный контроль за прессой. В июле того же года партия начала ликвидацию ресурсов своего главного конкурента (НРП)⁶¹. Спустя два года в июне 1953 года ДП нанесла удар по другой оппозиционной партии, Партии Нации, сначала временно запретив ее деятельность, а затем ликвидировав ее на постоянной основе. Дальнейшие ограничения, направленные против интеллигенции, выражались в принятии в 1953 году закона, который запретил университетским профессорам заниматься политической деятельностью⁶². В эти ранние годы партия

ства мест в парламенте (Bahrampour F. Turkey: Political and Social Transformation. – Brooklyn, NY.: Theo. Gaus' Sons, 1967. – 100 p.; Karpat K.H. Turkey's Politics: The Transition to a Multi-Party System. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1959. – 522 p.).

⁵⁹ Karpat K.H. Turkey's Politics: The Transition to a Multi-Party System. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1959. – 522 p.

⁶⁰ Erogul C. The Establishment of Multi-party Rule: 1945–1971 // Turkey in Transition: New Perspectives / Schick I.C., Tonak E.A. (eds.). – New York: Oxford University Press, 1987.

⁶¹ То, что этот закон не был «морально обоснованным» компонентом программы люстрации против НРП подтверждается тем, что ДП ожидала предпринять эти меры до середины 1951 года, и тем, что резолюция изначально не была приведена в исполнение, а была предложена только как угроза для сдерживания НРП (Erogul C. The Establishment of Multi-party Rule: 1945–1971 // Turkey in Transition: New Perspectives / Schick I.C., Tonak E.A. (eds.). – New York: Oxford University Press, 1987).

⁶² Weiker W.F. The Turkish Revolution: 1960–1961: Aspects of Military Politics. – Washington, D.C.: The Brookings Institution, 1963. – 172 p.

также установила полный контроль над судебной системой и ограничила использование различных видов агитации на выборах. В целом ДП демонстрировала готовность и способность продолжать (и, в действительности, расширять) нелиберальную политику НРП, отчуждая от себя многих своих изначальных сторонников, включая представителей интеллигенции и либеральной экономической элиты⁶³. Согласно Эрогулу, «всеобщие выборы 2 мая 1954 года были проведены в обстановке, когда интеллигенцию заставили замолчать, оппозицию подавили, население ослепили продолжительными благотворительными церемониями, а видимое богатство, созданное благодаря либеральной экономической политике, еще не перешло в кризис»⁶⁴.

На выборах 1954 года ДП одержала разгромную победу, воспользовавшись экономическим бумом, наблюдавшимся в первые четыре года правления партии⁶⁵. Благодаря стимулируемому небывалыми урожаями росту государственных инвестиций в тяжелую промышленность и механизированное сельское хозяйство, а также внешним займам, экономика выросла на 21% в 1951 году, на 4% – в 1952 году и на 10% – в 1953 году. Вместе с тем, совершение инвестиций, направленных на стимулирование роста производства, привело к стремительному скачку инфляции⁶⁶. Всё это, а также случившаяся летом 1954 года засуха, привело к крайне бедному урожаю и соответственно к небольшим зерновым запасам⁶⁷. Более того, режим накопил большой внутренний и внешний долг, в силу чего Центральному Банку было необходимо покрывать значительный дефи-

⁶³ Как отмечает Вейкер в «Турецкой революции», законы по сути не были антидемократическими, при этом присутствовали их избирательная интерпретация и правоприменение.

⁶⁴ Erogul C. The Establishment of Multi-party Rule: 1945–1971 // Turkey in Transition: New Perspectives / Schick I.C., Tonak E.A. (eds.). – New York: Oxford University Press, 1987.

⁶⁵ Партия получила 93% мест в парламенте.

⁶⁶ Erogul C. The Establishment of Multi-party Rule: 1945–1971 // Turkey in Transition: New Perspectives / Schick I.C., Tonak E.A. (eds.). – New York: Oxford University Press, 1987.

⁶⁷ Robinson R.R. The First Turkish Republic: A Case Study in National Development. – Cambridge, MA.: Harvard University Press, 1963. – 367 p.

цит баланса за счет золота и запасов иностранной валюты. Состояние экономики еще более ухудшилось, когда был отменен займ в \$300 миллионов от США, который правительство планировало использовать для покрытия дефицита⁶⁸. В условиях бремени всех накопившихся проблем турецкая экономика после падения ВВП на 12% в 1954 году погрузилась в рецессию⁶⁹.

После того, как в начале 1955 года экономические проблемы стали очень тяжелыми, начало усиливаться недовольство населения политическим курсом режима. Со снижением уровня жизни и усилением дефицита продуктов питания, оппозиция усилила свою критику правительства. Общество также начало активно выражать свое недовольство. В сентябре вспыхнуло массовое восстание в Стамбуле, которое было спровоцировано беспорядками среди трудовых мигрантов из сельской местности. К лету 1955 года среди высокопоставленных членов ДП появились признаки разлада. Либеральная фракция в партии начала выступать с критикой государственнической экономической политики и ограничения свобод⁷⁰. Наиболее влиятельными представителями либеральной фракции, включавшей 19 депутатов парламента, были бывший дипломат и министр внутренних дел Ф.Караосманоглу, а также бывший министр экономики Ф.Целикбас. Последний был известен как экономический либерал, который постоянно выступал за политику свободного рынка в экономическом развитии. Осенью 1955 года эта «Группа девятнадцати» внесла проект закона, который наделял газеты правом приводить факты коррупции среди должностных лиц правительства⁷¹. Нет ничего удивительного в том,

что руководство ДП выступало против этого закона и угрожало исключить его разработчиков из партии. В октябре на партийной конференции, следуя реализации выдвинутой угрозы, руководство ДП исключило из партии 9 из 19 членов группы. В ответ на это другие 10 членов фракции вышли из партии. В течение следующих недель до дюжины других депутатов последовали примеру перебежчиков и сдали свои партийные билеты⁷². В декабре 1955 года эти тридцать бывших депутатов от ДП формально основали Партию Свободы и заявили об участии в предстоящих выборах. База поддержки партии в основном состояла из либералов и интеллектуалов, ранее являвшихся сторонниками ДП⁷³.

Хотя исторический опыт показывает, что непосредственной причиной выхода депутатов из партии было их недовольство ограничительным законом о прессе, необходимо отметить, что они стали открыто выражать свое несогласие только после того, как экономика Турции стала давать сбои. Действительно, поправка в закон о прессе, вызвавшая недовольство со стороны либеральных депутатов, была введена в действие в 1951 году и, насколько известно, оставалась после этого неизменной. Мы допускаем, что несмотря на публичную лояльность руководству, многие члены ДП в это время были очень недовольны авторитаризмом партии, но мы также обращаем внимание на то, что ДП в полной мере демонстрировала недемократические тенденции, начиная с 1951 года и до 1954 года, вводя в действие драконовские поправки в вышеупомянутый закон о прессе, уголовный кодекс и законодательство о правах оппозиции⁷⁴. В течение этого

⁶⁸ Более подробно об истоках экономических проблем Турции в 1954-1955 годах см.: The Economist, 2 July 1955 and 24 December 1955.

⁶⁹ См. об условиях, приведших к кризису: Karpat K.H. Turkey's Politics: The Transition to a Multi-Party System. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1959. – 522 p.; Robinson R.R. The First Turkish Republic: A Case Study in National Development. – Cambridge, MA.: Harvard University Press, 1963. – 367 p.

⁷⁰ Ahmad F. The Making of Modern Turkey. – London: Rutledge, 1993. – 252 p.

⁷¹ Karpat K.H. Turkey's Politics: The Transition to a Multi-Party System. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1959. – 522 p.

⁷² Ibid.

⁷³ Партия столкнулась с трудностями при строительстве национальной организации и плохо выступила на всеобщих выборах в октябре 1957 года, получив 3,7% голосов избирателей и четыре места в парламенте. Спустя несколько месяцев партия объединилась с НРП.

⁷⁴ Некоторые источники полагают, что ДП в 1954 и 1955 годах всё больше и больше применяла авторитарные практики (Erogul C. The Establishment of Multi-party Rule: 1945–1971 // Turkey in Transition: New Perspectives / Schick I.C., Tonak E.A. (eds.). – New York: Oxford University Press, 1987.; Weiker W.F. The Turkish Revolution: 1960–1961: Aspects of Military Politics. – Washington, D.C.: The Brookings

раннего времени, когда развивалась экономика и росли доходы, небывалые успехи не давали предпосылок для внутривластной недовольства и сопротивления вплоть до 1955 года. Вместе с тем, возможность существования эндогенной зависимости между экономическим ростом и расколами в данном случае исключается. Экзогенные факторы (такие, как бедный урожай в 1954 году и отказ США предоставить Турции дополнительную финансовую помощь в \$300 миллионов) в сочетании с некомпетентным проведением макроэкономической политики привели экономику к кризису задолго до появления первых признаков недовольства в ДП.

ЗИМБАБВЕ: УХОД СИМБА МАКОНИ В 2008 ГОДУ

Начиная с момента обретения независимости в 1980 году, власть в Зимбабве принадлежит Роберту Мугабе и Зимбабвийскому Африканскому Национальному Союзу – Патриотическому Фронту⁷⁵. Будучи изначально утверждённым парламентом, впоследствии президент был впервые избран на всенародном голосовании в 1990 году. Р.Мугабе легко победил на этих и следующих выборах, получив по их результатам 83% и 93% голосов избирателей соответственно⁷⁶. На выборах

Institution, 1963. – 172 p). Мы готовы признать сложность определения того, раскол Партии Свободы произошел в силу недовольства усилением авторитаризма ДП, достигшего в некоторой степени предельного уровня в 1955 году, или он случился исключительно по причине экономического кризиса. Мы можем только сделать переоценку того, что время принятия решения Целихбасом о вводе в действие поправки и последующий раскол партии наступили спустя несколько недель после сентябрьских массовых восстаний в Стамбуле, которые были вызваны экономическим кризисом.

⁷⁵ Изначально партией Р.Мугабе был Зимбабвийский Африканский Национальный Союз, в состав которой незадолго до обретения независимости был включен Патриотический Фронт. Этот альянс был временно разрушен в период выборов 1980 года, когда прежний лидер Патриотического Фронта Дж.Нкомо участвовал в выборах с партией Патриотический Фронт – Зимбабвийский Африканский Народный Союз (PF-ZAPU), в то время как Р.Мугабе вёл избирательную кампанию под партийным брендом Зимбабвийского Африканского Национального Союза – Патриотического Фронта (ZANU-PF).

⁷⁶ Kriger N. ZANU(PF) Strategies in General Elections, 1980–2000: Discourse and Coercion // African Affairs. – London, 2005. – Vol. 104, No. 414. – pp. 1–34.; Sachikonye L. The 1990 Zimbabwe Elections: A Post-

2002 года он столкнулся с сильным сопротивлением, которое оказывалось со стороны Движения за демократические изменения. Представляя собой коалицию, включавшую представителей правозащитных, предпринимательских и студенческих организаций и возглавлявшуюся Зимбабвийским Конгрессом Профсоюзов, Движение за демократические изменения было создано в 1999 году с целью принуждения Р.Мугабе и Зимбабвийского Африканского Национального Союза – Патриотического Фронта к проведению политических и экономических реформ. Набрав 47% голосов избирателей на парламентских выборах 2000 года, Движение за демократические изменения и выдвинутый им кандидат на пост Президента М.Цвангираи представляли серьёзную угрозу для Р.Мугабе и Зимбабвийского Африканского Национального Союза – Патриотического Фронта.

Отвечая на этот вызов, Р.Мугабе и Зимбабвийский Африканский Национальный Союз – Патриотический Фронт использовали различные тактические приемы. По причине усугубления продовольственного дефицита, который мог привести к массовому голоду, правительство объявило чрезвычайное положение, обосновывая возникший кризис засухой. Произошедшее в результате захвата земель фактическое разрушение сельского хозяйства повлекло за собой превращение Зимбабве из чистого экспортёра продуктов питания в безнадёжного потребителя внешней продовольственной помощи⁷⁷. В июле 2005 года правительство провело «Операцию Мурамбацвина», направленную на уничтожение незаконных жилых строений и ликвидацию неформальной экономической активности, разрушив с помощью бульдозеров несколько посёлков из бараков около Хараре⁷⁸. Стремясь запугать потенциальных сторонников Движения за демократические изменения, Правительство оставило

Mortem // Review of African Political Economy. – London, 1990. – Vol. 17, No. 48. – pp. 92–99.

⁷⁷ Richardson C.J. How Much Did Droughts Matter? Linking Rainfall and GDP Growth in Zimbabwe // African Affairs. – London, 2007. – Vol. 106, No. 424. – pp. 463–478.

⁷⁸ Bratton M., Masunungure E. Popular Reactions to State Repression: Operation Murambatsvina in Zimbabwe // African Affairs. – London, 2006. – Vol. 106, No. 422. – pp. 21–45.

без жилья несколько тысяч горожан. Кроме того, в 2007 году правительство разработало закон, который обязывал компании, принадлежащие иностранным владельцам, передавать большинство акций местным заинтересованным лицам⁷⁹. Подготовленный в духе состоявшегося ранее захвата земель этот законопроект оказал отрицательное воздействие на инвестиции. Совокупные последствия этих мер выразились в раскручивании гиперинфляции до 66000%, росте безработицы до 80% и сокращению официальной экономики до 60%, в результате чего за три месяца до выборов Зимбабве стала наиболее быстро сжимающейся в мирное время экономикой мира⁸⁰.

В феврале 2008 года член Политбюро Зимбабвийского Африканского Национального Союза – Патриотического Фронта Симба Макони объявил о выдвижении себя в качестве кандидата на выборах. До этого С.Макони занимал различные должности в правительстве Р.Мугабе. Когда было сформировано первое правительство в эпоху независимости, С.Макони получил в нём пост заместителя министра сельского хозяйства. В течение следующих четырех лет он работал министром энергетики, а потом, вплоть до неожиданного ухода из Правительства, был министром по делам молодёжи. Его уход в отставку выглядел как итог предпринимавшихся им попыток реформировать и модернизировать правительство. Являясь представителем следующего после Р.Мугабе поколения, С.Макони виделся «слишком умным и слишком молодым со стороны более превосходящих его по возрасту членов партии. Они хотели убрать его с дороги»⁸¹. С.Макони вернулся

в правительство в 2000 году, когда Р.Мугабе решил его назначить на пост министра финансов. Экономика уже демонстрировала признаки кризиса, сокращались резервы в иностранной валюте, увеличивался государственный долг, росла безработица, и снижалось доверие инвесторов. Вынужденный восстанавливать имидж Зимбабве в глазах доноров и инвесторов, С.Макони быстро осуществил меры по либерализации экономики. Проявляемое им упорство привело к прямому конфликту между ним и Р.Мугабе, который беспокоился о политических рисках проведения экономических реформ. В результате С.Макони стал располагать большим авторитетом в бизнес-сообществе, а также пользоваться значительным уважением среди независимых от Зимбабвийского Африканского Национального Союза – Патриотического Фронта людей, но при этом он утратил доверие со стороны президента.

При выдвижении своей кандидатуры на выборах С.Макони занял такую политическую платформу, в центре которой стояла задача улучшения экономической ситуации, а в своём предвыборном заявлении о решении по выходу из экономического кризиса в Зимбабве он сказал: «Я также разделяю широко распространённый взгляд, что эти трудности являются следствием провала политики руководства страны и что изменения в этой сфере станут предпосылкой для изменений в других сферах»⁸². Обращение С.Макони получило поддержку не только со стороны бедных, но и со стороны представителей среднего класса, которые пострадали от снижения уровня жизни⁸³. Поверив в то, что С.Макони способен бросить убедительный вызов, вокруг фигуры С.Макони объединилась группа членов Зимбабвийско-

(date of access: 05.04.2014).

⁷⁹ Industries: Zimbabwe // Africa Research Bulletin: Economic, Financial and Technical Series. – Oxford, 2007. – Vol. 44, No. 5. – pp. 17425A–17426A.

⁸⁰ Power: Zimbabwe // Africa Research Bulletin: Economic, Financial and Technical Series. – Oxford, 2007. – Vol. 44, No. 1. – pp. 17279C–17280B.; Latham B. Zimbabwe Currency Plunges to Four Million to the U.S. Dollar // International Herald Tribune. – Paris, 2007. – 5 December. – Mode of access: <http://web.archive.org/web/20080217000949/http://www.ihf.com/articles/2007/12/04/bloomberg/bxzim.php> (date of access: 05.04.2014).

⁸¹ Winter J. Simba Makoni: Zimbabwe's Roaring Lion? // BBC News. – London, 2008. – 5 February. – URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/africa/7228205.htm>

⁸² Winter J. Simba Makoni: Zimbabwe's Roaring Lion? // BBC News. – London, 2008. – 5 February. – Mode of access: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/africa/7228205.htm> (date of access: 05.04.2014).

⁸³ Taylor D. Former ZANU-PF Heavyweight Prepares to Challenge Mugabe // Voice of America. – Washington, D.C., 2008. – 19 March. – Mode of access: <http://web.archive.org/web/20080725012959/http://www.voanews.com/english/Africa/Former-ZANU-PF-Heavyweight-Prepares-to-Challenge-Mugabe.cfm> (Date of access: 05.04.2014).

го Африканского Национального Союза – Патриотического Фронта «для организации крупнейшего на протяжении десятилетий сопротивления лидеру Зимбабве [Мугабе]»⁸⁴.

В конечном итоге С.Макони получил значительно меньше голосов избирателей, чем действующий президент Р.Мугабе и основной оппозиционный кандидат М.Цвангарай. Вместе с тем, его выход из Зимбабвийского Африканского Национального Союза – Патриотического Фронта впервые в истории проведения выборов в стране привёл к росту ожиданий, что Р.Мугабе может быть вскоре отстранён от власти. Кампания С.Макони против Р.Мугабе, основой которой была экономическая платформа, заслуживает внимания по трем причинам. Во-первых, несмотря на его членство в правящем аппарате, который был ответственен за экономический кризис, С.Макони заслужил репутацию одного из немногих людей, кто полностью поддерживал экономическую либерализацию, даже ценой ущерба собственным персональным амбициям. То, что Р.Мугабе не прислушивался к его советам, вследствие чего Зимбабве столкнулась со столь значительными экономическими проблемами, подтверждало, что С.Макони потенциально может предложить решение по выходу из кризиса. Один избиратель сказал: «Мне нравится С.Макони, потому что он в прошлом доказывал, что имея соответствующие возможности, он может эффективно развивать экономику»⁸⁵.

Во-вторых, если разногласия во взглядах на проведение политического курса и/или карьерные амбиции были единственным фактором, стимулировавшим расколы в доминантной партии, то С.Макони следовало

выйти из Зимбабвийского Африканского Национального Союза – Патриотического Фронта задолго до февраля 2008 года. Разногласия во взглядах на проведение политического курса между ним и Р.Мугабе, достигшие апогея в 2002 году во время отставки С.Макони с поста министра финансов, не побуждали С.Макони уйти из Зимбабвийского Африканского Национального Союза – Патриотического Фронта вплоть до выборов 2008 года – момента, когда он мог воспользоваться углублением экономического кризиса для того, чтобы обеспечить привлекательность анти-инкубентских позиций и разгласить повсюду о собственном опыте реформатора. Разногласия во взглядах на проведение политического курса и межличностные противоречия не могут выступать в качестве стимулов, но они были задействованы только тогда, когда состояние экономики предоставило удобный момент.

Наконец, последствия событий 2002–2008 годов чётко показывают, что корреляция между экономическим развитием и выходом из режимной партии действует в одном направлении. Случившись после десяти лет неэффективной экономической политики и отсутствия доверия инвесторов, уход С.Макони был результатом, а не причиной в этой зависимости.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

До распада СССР считалось, что однопартийные диктатуры неуязвимы в силу наличия кооптационных и репрессивных возможностей режимной партии. Режимы с доминантной партией обладают рядом характеристик, присущих однопартийным государствам, при этом они отличаются от последних в двух отношениях: проведение конкурентных выборов и наличие оппозиционных партий. Эти институты создаются для того, чтобы способствовать пребыванию у власти авторитарных правителей, они также несут с собой риски для инкубентов. Эти серьезнейшие угрозы создаются не существующими оппозиционными партиями, а проистекают из элит в рамках режимной партии, которые взвешивают издержки и преимущества того, чтобы остаться вместе.

⁸⁴ С.Макони, предположительно, имел поддержку бывшего командующего армией и главной фигуры в партии С.Мужуру, жена которого была вице-президентом наряду с другими членами Зимбабвийского Африканского Национального Союза – Патриотического Фронта (Winter, 'SimbaMakoni'). Mrofu P. MDC Welcomes New Mugabe Challenger // ZimOnline. – Harare, 2008. – 6 February. – Mode of access: <http://web.archive.org/web/20041204031211/http://www.cidcm.umd.edu/inscr/polity/index.htm> (date of access: 10.02.2008).

⁸⁵ Chirinda S. Surprise, Disbelief Greets Makoni's Bid for Presidency // ZimOnline. – Harare, 2008. – 6 February. – URL: <http://www.zimonline.co.za/> (date of access: 10.02.2008).

Два важных элемента расчетов элит и избирателей лежат в экономике. Режимные элиты осознают, что в условиях отсутствия активной поддержки со стороны граждан они должны сохранять лояльность. Когда наблюдается негативная экономическая ситуация, этот общественный договор попадает под угрозу, но даже в период экономического кризиса массовые протесты против режима маловероятны; во-первых, граждане сталкиваются с проблемами коллективного действия; во-вторых, репрессивные возможности режима удерживают любых политических предпринимателей от организации масс. Элиты располагают инструментами обращения к рядовым гражданам и обеспечения поддержки; это происходит обычно через выборы, а не путем вооруженной борьбы на улицах.

В условиях снижения доходов населения режимные элиты имеют возможность выйти из доминантной партии и вести борьбу с инкумбентами на выборах. Экономика предоставляет ряд вопросов, вокруг которых перебежчики могут мобилизовать поддержку, структура которой может пересекать другие социальные расколы. Перебежчики предвидят, что избиратели хотят наказать инкумбентов на выборах за неблагоприятную экономическую ситуацию. Основываясь на этом предположении, мы обнаруживаем, что показатель среднего роста доходов на душу населения перед выборами оказывает влияние на вероятность ухода режимных элит из доминантной партии. В частности, когда доходы повышаются, или даже остаются неизменными, стимулы для элит к выходу из режимной партии находятся на низком уровне.

В результате этого анализа могут быть сформулированы два важных вывода об этих режимах. Во-первых, правящая партия и выборы – институты режима, которые вроде бы предназначены для содействия выживанию инкумбентов, – могут стать ключевыми механизмами, способствующими распаду режима. Во-вторых, устойчивость этих институтов не полностью основывается на эндогенных механизмах самовоспроизводства, значимость которых подчеркивают ученые, но также поддерживается экзогенными фак-

торами, которые обеспечивают для элит стимулы оставаться лояльными режиму. Б.Магалони полагает, что это видимость непобедимости, которая предупреждает расколы элит в этих режимах⁸⁶. Проверив долю голосов, полученных режимной партией на выборах, мы доказываем, что это больше, чем просто «гипердоминирование», которое способствует единству элиты. Кроме того, это больше, чем институциональные связи партии, которые обеспечивают единство элиты в этих режимах. Действительно, Смит показывает, что долговечность партийных режимов в сравнении с другими субтипами авторитарных режимов ниже при исключении ряда выбросов (Мексика и СССР) и проверке экономического роста⁸⁷. Таким образом, если это тот случай, когда положительный экономический рост необходим для привлечения и сохранения элитных союзников, независимое влияние институтов доминантной партии на лояльность элиты остается под вопросом.

Авторы выражают благодарность К.Бош, Х.Фернандес-Альбертос, У.Киму, Т.Ремингтону, Х.Риос Фигуэйра, М.Шварцберг, а также участникам Ежегодного конгресса Американской Ассоциации политической науки 2007 года и участникам Конференции «Конституции и рынки» Европейского Университетского Института, состоявшейся в июне 2007 года.

⁸⁶ Magaloni B. Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and its Demise in Mexico. – New York: Cambridge University Press, 2006. – 296 p.

⁸⁷ Smith B. Life of the Party: The Origins of Regime Breakdown and Persistence under Single-Party Rule // World Politics. – Washington, D.C., 2005. – Vol. 57, No. 3. – pp. 421–451.

Экономическое развитие и расколы доминантных партий

Ора Джон Рейтер, профессор; **Дженнифер Ганди**, профессор,
Университет Эмори, кафедра политологии
E-mail: oreuter@emory.edu, jgandh2@emory.edu

***Аннотация.** Режимы с доминантной партией – это недемократические режимы, в которых (1) правление осуществляется при поддержке доминантной политической партии и (2) поддерживается в условиях проведения многопартийных выборов. Коалиции элит, организуемые в рамках доминантной партии, уязвимы перед выборами, совпадающими по времени с неблагоприятной экономической ситуацией. Спад в экономике даёт элитам платформу, на базе которой они могут мобилизовать поддержку для борьбы с действующей властью на выборах. В результате вероятность расколов в доминантной партии повышается тогда, когда снижается уровень доходов. Оригинальная база данных исследования, включающая 227 выборов на пост главы исполнительной власти в диктатурах с доминантной партией с 1946 по 2004 год и анализ случаев расколов элит в Зимбабве в период правления Зимбабвийского африканского национального союза – Патриотического фронта в 2008 году и в Турции в период правления Демократической партии в 1955 году, предоставляет доказательную базу этого предположения.*

***Ключевые слова:** доминантная партия, выборы, элиты, экономическое развитие*

Economic Performance and Elite Defection from Hegemonic Parties

Ora John Reuter, PhD, Professor; **Jennifer Gandhi**, PhD, Professor,
Emory University,
Political Science Department
E-mail: oreuter@emory.edu, jgandh2@emory.edu

***Abstract.** Hegemonic party regimes are non-democratic regimes that [1] rule with the aid of a dominant political party and [2] hold multi-party elections. Elite coalitions organized under the aegis of a hegemonic party are most vulnerable in elections that coincide with poor economic performance. A declining economy provides elites with a platform around which they can mobilize support to challenge incumbents in elections. As a result, the likelihood of defections from hegemonic parties increases as income declines. This study's original dataset, which includes 227 elections for the chief executive in hegemonic party dictatorships from 1946 to 2004, and its case studies of defections in Zimbabwe under ZANU-PF in 2008 and Turkey under the Democratic Party in 1955 provide evidence for this proposition.*

***Key words:** dominant party, elections, elites, economic development.*